

Зона Смерти

Роман Глушков

Стальная петля

«ЭКСМО»

2009

Глушков Р. А.

Стальная петля / Р. А. Глушков — «Эксмо», 2009 — (Зона Смерти)

ISBN 978-5-699-38904-9

В кошмарном мире Пятизонья, в котором знаменитый Чернобыль далеко не самое опасное место, может произойти все что угодно. Даже чудо! Именно оно спасло вертолетчика Геннадия Хомякова, оказавшегося в момент Катастрофы в самом неподходящем месте. В мире сталкеров, механоидных монстров и аномальных ловушек Хомяков быстро становится дичью, но дичью особенной, за которую охотники сначала друг другу глотку перегрызут. Этим обстоятельством и решил воспользоваться бывший летчик, ведь у него собственная цель. Он ищет дорогу к полумифической Чаше, о которой ему поведал рыцарь Ордена Священного Узла, преданный своими братьями. Мог ли Хомяков догадываться, что сам он ценнее любого артефакта?

ISBN 978-5-699-38904-9

© Глушков Р. А., 2009

© Эксмо, 2009

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	16
Глава 3	24
Глава 4	33
Глава 5	46
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Роман Глушков

Стальная петля

В окружающей реальности есть трещины и щели, в которые она утекает, а внутрь просачивается другая реальность.

Филипп К. Дик. «Свихнувшееся время»

Муха, которая не желает быть прихлопнутой, безопаснее всего чувствует себя на самой мухобойке.

Георг Лихтенберг

Много ли вам доводилось слышать легенд, поведанных устами их главных героев? Сдается мне, значительно меньше, нежели пересказанных по сороковому разу с чых-то слов, баек, домыслов, слухов, а то и вовсе откровенного бреда. Поэтому можете считать, что сегодня вам крупно повезло... ну, разумеется, если вы интересуетесь историей Пятизонья и его знаменитых обитателей. Если же нет, все равно можете посидеть и послушать, ибо рассказ мой так или иначе не раз затронет вещи, о коих, полагаю, вы прекрасно осведомлены.

Точнее, это вы думаете, что осведомлены, а ведь я могу сделать и так, что после моего рассказа ваше представление о Зоне может запросто перевернуться с ног на голову. Не верите? Проверьте. И проверять не хотите? Что ж, ваше право. Значит, проходите мимо, не задерживайтесь и не мешайте тем, кто твердо решил остаться и приобщиться к истине у ее первоисточника.

«Да кто ты вообще такой? – презрительно огрызнутся на меня прогоняемые мной скептики. – Из какой помойки ты, грязный, одноглазый урод, вылез? И ладно бы просто вылез и скромненько помалкивал в тряпочку! Так нет же, еще и имеешь наглость называть себя знатном доселе неведомых истин и героем какой-то там легенды!»

«Совершенно верно, имею такую наглость», – как ни в чем не бывало отвечу я. А за то, что не слишком похож на легендарную личность, прошу прощения. Впрочем, и история моя будет не о рыцарях Круглого стола или иных богоподобных воителях древности, а обо мне – обычном человеке, угодившем волею судьбы в такой переплет, что до сих пор диву даюсь, почему я еще жив.

Однако, когда вы узнаете, что за странные осколки торчат у меня в левом глазу, в шее, груди, животе и ногах, готов поспорить: ваш скепсис испарится бесследно. И многие из вас признают-таки за мной право называться легендой Пятизонья, чых обитателей, к слову, ни в чем таком давным-давно не нужно убеждать.

Равно как не нужно мне представляться и тем слушателям, кому уже рассказывали парутройку занимательных баек об Алмазном Мангусте. Вы, многоуважаемые любители здешнего фольклора, конечно, безо всяких подсказок догадались, с кем вам сегодня посчастливилось встретиться. И все же, будучи человеком культурным и не вконец одичалым, представлюсь: Алмазный Мангуст. Да-да, тот самый Мангуст, чья голова вот уже пять лет считается у сталкеров Пятизонья самым желанным охотничьим трофеем.

Кое-кто и по сей день упорно полагает, будто я – миф, придуманный жадной мафией, чтобы завлечь в наши края побольше доверчивых охотников за легкой наживой. Это не так. Я существую, и я действительно сгубил немало сталкерских жизней, пытаюсь изо всех сил сбросить свою. Однако мало кому известно, кто таков на самом деле Алмазный Мангуст, откуда он взялся и за какой Синей птицей одержимо гоняется. Так что, если у вас есть свободное время и желание послушать, как одна из одиозных легенд Пятизонья развенчивает сама себя, – оставайтесь. Хотя бы потому, что мир, в котором я живу – или, вернее, выживаю, – чертовски непредсказуем, и вполне может статься, что уже завтра мне придется покинуть его самым

простым и распространенным здесь способом. Тем же способом, которым я спровадил в Ад большинство охотников за моей драгоценной персоной...

Увы, но нынешние легенды, не в пример стародавним, и впрямь умирают очень быстро – практически одновременно со своими героями. Вот и ловите момент, пока я жив, имею шанс выговориться и не передумал откровенничать. Да и кто еще, кроме меня, даст вам возможность взглянуть на Пятизонье глазами человека, чьей единственной целью было не обогащение, борьба за власть или служение каким-либо высоким идеалам, а стремление поскорее вырваться из этого проклятого мира?

Итак, если вы готовы, а все, кого мои истории не интересуют, разошлись восвояси, давайте начнем...

Это был самый обычный, ничем не примечательный день. И тем не менее он оказался вполне подходящим днем для охоты на Алмазного Мангуста, которую устроил вышедший на мой след сталкер – бог весть какой по счету, самонадеянный одиночка, явно решивший, что делить мою дорогостоящую шкуру с кем-либо еще – удел слабаков.

В общем, хотелось мне того или нет, но я опять был вынужден отложить все дела и доказывать очередному горе-охотнику, что выбранная им стратегия, мягко говоря, ошибочна...

Глава 1

– ...А ну-ка повтори, что ты сказал! – потребовал я у оплошавшего охотника. Подвешенный за ногу к фонарному столбу, он наконец-то понял, что освободиться из петли ему не удастся, и прекратил трепыхаться. А заодно и орать, костеря меня на чем свет стоит. И лишь когда до этого идиота дошло, что его игра проиграна, он решил снизойти до разговора со мной.

Хотя лучше бы продолжал отмалчиваться. Ересь, которую он начал нести, вмиг испортила мне настроение от одержанной победы. Пусть и легкой, но вполне справедливой и заслуженной.

– Можешь меня убить, но тебе, Избранный, никогда не уничтожить Узел! – вновь с вызовом прокричал охотник, раскачиваясь будто маятник на длинном металлическом тросе. – Ни-ког-да! Сейчас ты победил, но скоро за тобой придут мои братья! Много братьев! Они отомстят за меня, и ты подохнешь самой страшной смертью! Такой, какую ты себе даже представить не можешь!

– По-моему, у тебя с головой не все в порядке, – заметил я. Предположение мое являлось чисто риторическим, ибо в Пятизонье попросту нет сталкеров, у кого были бы нормальные, не выжженные имплантами и нановирусами мозги. – С какого перепуга ты, дубина стоеросовая, решил, что я – Избранный? Разве в легенде о нем сказано, что он станет лазать по столбам, а в левой глазнице у него будет торчать алмаз весом в пятьсот с лишним карат?..

Я взобрался на верхнюю столбовую перекладину, на которой также висели давным-давно разбитый фонарь и моя нынешняя жертва, не потому что выпендривался или мне было лень задирать голову, разговаривая с горе-охотником. Просто я давно следовал принципу, что, раз уж Зона одарила меня невиданной ловкостью, грех пренебрегать ею, ведь в здешних суровых краях надо быть постоянно начеку.

Это не выпендрейж, а банальный практицизм: что ни говори, а наблюдать за округой с десятиметровой мачты гораздо удобнее, чем с земли. Да и ловить отсюда подобных горе-охотников – ни с чем не сравнимое удовольствие. Нужно лишь дождаться, когда из-за туч выглянет солнце, потому что чем оно ярче, тем меньше я заметен для сталкерских глаз. Да, вы не ослышались: я действительно становлюсь невидимым на ярком свете, который является моим другом и спасителем, как для вампира – ночной сумрак. За это опять же следует сказать спасибо Зоне, сотворившей Алмазного Мангуста таким, каков я сегодня есть.

Вот только разумно ли благодарить судьбу, которая научила вас быстро плавать уже после того, как вышвырнула за борт, в кишашее акулами море? Нет уж, пусть подавится – вовек не дожидаться ей от меня благодарности!..

– А что ты, мать твою, за тварь такая, если не Избранный? – спросил, в свою очередь, рыцарь-узловик. Я смекнул, что он из Ордена, еще до того, как изловил ублюдка. Эту публику ни с кем не спутаешь: первоклассная экипировка, большой перстень-печатка да аксельбант в виде орденского герба – морского Кандального узла. Рыцари сами дают узнать себя еще изда-лека, подобно крестоносцам в землях Палестины. «Крутые парни не таятся!» – таков их второй негласный девиз, помимо официального: «*Nodus sancti est*» – «Узел священен!»

– Ты что, олух, ослеп: я – тот, кого вся Зона кличет Алмазным Мангустом! – представился я на всякий случай, хотя не верилось, будто мой враг не знает, с кем имеет дело. – И если тебя послали ловить Избранного, значит, ты ошибся и охотился не за тем. Мои сожаления!

Узловик – довольно молодой сталкер-энергик, явный неофит – вновь дернулся и замахал руками, пытаясь пережечь трос сгенерированным электроимпульсом. Но шаровая молния, что образовалась на кончиках его пальцевых имплантов-генераторов и полетела к цели, была жалкой – размером лишь с мячик для пинг-понга. Не чета тем снарядам, какие охотник метал в меня, когда я только вздернул его на столбе.

Пшик! «Шаровуха» ударилась в трос и испарилась, не причинив ему ни малейшего вреда. Точно, неофит! Когда угодил в петлю, выронил с перепугу свой «карташ» и начал шарошить электричеством направо и налево, пока не растранижил все силы и не выдохся. Нет бы побыстрому взять себя в руки и вместо того, чтобы палить наобум, перешибить молнией фонарный столб! Слишком поздно, братец! Теперь тебя только на безобидные «пшики» и хватает. Так что виси и не дрыгайся. Смиряться со своей незавидной участью, а я покамест подумаю, оставлять тебя в живых или нет.

– Бесполезно. Даже не пытайся, – отмахнулся я, глядя, как незадачливый узловик буквально выдавливает из пальца новую, еще более чахлаю «шаровуху». – Это особый, артефактный трос. Когда-то он был «виселицей», но я закоротил им «Сердце Зверя» и убил на тросе всю нанофауну. Она спеклась на нем оболочкой, а ее уже не возьмешь ни кусачками, ни плазмой, ни тем более молнией. А такой пустышкой, какой ты хочешь меня напугать, и подавно.

На сей раз сталкер, как ни странно, мне поверил. Но, дабы зазря не пропадать добру, решил пухнуть своей слабенькой «шаровухой» в меня. Я лениво уклонился от медленно летящего снаряда и, зевнув, проследил, как он поднимается вверх, а затем лопается и распадается на множество голубых искр.

– Ну и какого хрена ты ждешь, Избранный? – раздраженно бросил мне вконец обессиленный энергик. – Поиздеваться надо мной хочешь? Что ж, тварь, давай, делай свое грязное дело! Но знай: когда мои братья тебя схватят, ты ответишь за все мучения, какие мне причинил! Сполна ответишь, не сомневайся!

– Вот заладил: сделай мне больно, сделай мне больно! – передразнил я готовящегося к смерти рыцаря и погрозил ему пальцем. – Допросишься: разозлюсь и впрямь сделаю!.. Кстати, как тебя зовут, друг сердешный?

– Чего-о-о?! – протянул удивленный пленник, видимо, пытаясь сообразить, почему я мешкаю с его расправой.

– Как звать, спрашиваю? – повторил я.

– На кой черт Избранному сдалось мое имя? – огрызнулся недоумевающий сталкер.

– Открытку твоей семье за Барьер пошлю, – мрачно пошутил я. – С цветами и соболезнованиями.

– Нет у меня там семьи! – проронил узловик, внезапно сменив тон с дерзкого на почти доверительный. Кажется, я, сам того не ведая, затронул крайне болезненную для него тему. Болезненную настолько, что даже на пороге смерти она продолжала саднить у него в душе. – Никого, кроме отца... Да и тому я не нужен – у него одни лишь деньги на уме! Деньги, деньги, ничего, кроме денег! Даже когда спит, и то, наверное, их во сне видит! Больно нужна папаше твоя открытка! Да он ее, не читая, в мусоропровод выбросит! Вот если ты к ней чек на шестизначную сумму приложишь, тогда – да! Отец бы это оценил, а цветы... Орден Священного Узла – вот моя настоящая семья! Командор Савва Хантер и братья – единственные на этом свете, кто относится ко мне, как к человеку! Доверяют мне! Ты хоть понимаешь, Избранный, что это такое – доверие товарищей по оружию? Его ведь еще заслужить надо! Потом и кровью!

– О да, прекрасно понимаю, – кивнул я, но сочувствие мое было наигранным, а из уст изливался нескрываемый сарказм. – Стало быть, это Командор возложил на тебя миссию найти и убить Избранного? Для пущего, так сказать, укрепления вашего взаимного доверия!

– Не твое собачье дело! – вновь взялся за старое неофит Ордена, очевидно, смекнув, что начал заговариваться. – И вообще, мне больше нечего тебе сказать! Я пришел тебя убить, а не беседы с тобой вести! Или умереть! Ради Командора и братьев мне это не страшно, клянусь! Человек – ничто! Узел – священен! Смерть Избранному! Смерть! Смерть!..

– Знаешь, когда Хантер промывал тебе мозги, похоже, половина из них вместе с водой в раковину утекла, – с горестным вздохом заметил я. После чего внезапно спохватился, осененный пришедшей на ум мыслью. – А, проклятье! Ну конечно! И почему я раньше до этого не

догадался! Эй, слышь, как там тебя!.. Сейчас я тебе докажу, что я – не Избранный! Сейчас, погоди!..

Спустившись по столбу до того уровня, на котором висел вверх ногами узловик, я достал из кармана свой потертый офицерский билет и, раскрыв корочки, ткнул ими пленнику в нос.

– Читай внимательно! – велел я ему при этом. – Особенно графу, где дата рождения указана!

– Ничего не вижу! – буркнул энергик, вытаращившись на предъявленный ему документ налитыми кровью глазами. Лицо его было пунцовым, как свекла, и провисит он так еще час, точно заработал бы кровоизлияние в мозг. – В ушах шумит, а перед глазами одни круги... Так что можешь взять свою «ксиву» и засунуть ее себе в задницу – туда, где ей и место!

– Нет уж, болван, черта с два ты умрешь, не убедившись, что напал не на того!.. – Это было лишь запугивание. Я не настолько разозлился на этого идиота, чтобы убивать его, но перед тем, как расстаться с ним и пойти своей дорогой, решил из принципа доказать ему, что он в корне заблуждается. – Не дергайся – сейчас сниму тебя отсюда. И побереги голову! Смотри, не стукнись ею о землю! А впрочем, без разницы! Сотрясения мозга надо бояться тем, у кого он есть, а у тебя к этой болезни, похоже, врожденный иммунитет...

Через минуту сталкер уже сидел на земле, прислонившись спиной к столбу, и пытался совладать с головокружением. А я, отшвырнув подальше его импульсный пулемет, стоял напротив помилованного пленника и, не спуская с него глаз, сматывал не нужный мне больше трос.

Полностью выдохшегося энергика я не опасался. Пройдет не один час, прежде чем он опять сможет воспользоваться своими грозными имплантами. А его висевший на поясе нож был мне подавно не страшен. Пока обессиленный рыцарь выхватит его из ножен, я успею пустить ему пулю в лоб из своего револьвера. Или, пожалев дефицитные патроны, попросту огрею узловика револьверной рукояткой по темечку.

«Кольт-анаконда» столетней давности и калибра «магнум.44» – это вам не нынешние облегченные пистолеты, в которых давно нет той искры божьего гнева, что присутствует в старинном пороховом оружии. С тех пор как современные, высокотехнологичные устройства, какие только побывали в моих руках, стали все до единого выходить из строя, я могу пользоваться лишь таким механическим старьем. Даже бреюсь, вы не поверите, опасной бритвой, найденной мной в одном из музеев новосибирского Академгородка. Для техники второй половины двадцатого века я был сущим проклятьем, ибо неминуемо приводил ее в негодность. Впрочем, она отвечала мне взаимностью. В меня неоднократно стреляли из всех видов оружия, какое только имеется в Зоне. А *технос* – начиная от мизерных мозго-клюев и заканчивая гигантскими бронезаврамами и драконами – норовил растерзать меня столь же рьяно, как и своих главных врагов – сталкеров. И нет мне покоя на этой многогрешной земле вот уже пять с лишним лет. Даже удивительно, как еще она меня носит...

– Читай! – повторил я, вновь тыча рыцарю в нос свой офицерский билет, чудом сохранившийся после всех злоключений, пережитых мной в Зоне и за ее пределами.

Слегка оклемавшийся пленник посмотрел на меня исподлобья, но, поскольку я не требовал от него ничего предосудительного и не выпытывал никаких секретов, он решил подчиниться моей настойчивой просьбе.

– Хомяков Геннадий Валерьевич, – пробубнил узловик, пялясь в предъявленный ему документ. – Состоит на действительной военной службе в Вооруженных Силах Российской Федерации. Личный номер...

– Ниже! – потребовал я. – Смотри на дату рождения!

Энергик рассмотрел и ее. Она и близко не напоминала дату рождения того, за кого он меня принял. Согласно этому удостоверению, я был младше Избранного на сорок один с половиной год. По легенде, будущий уничтожитель Узла и Зоны, а также спаситель всего челове-

чества родился в день первой чернобыльской катастрофы: двадцать шестого апреля тысяча девятьсот восемьдесят шестого года. То есть даже на шестнадцать лет раньше моего отца. Комментарии, как говорится, излишни. Алмазный Мангуст никаким боком не вписывался в миф о пришествии Избранного. Точка. Тема закрыта.

– Откуда мне знать, что это не подделка? Или что ты не отобрал эти «корочки» у какого-нибудь военного сталкера? – усомнился рыцарь, переводя взгляд с фотографии в билете на мое лицо.

Изрезанное шрамами, обветренное и «инкрустированное» торчащим в левой глазнице крупным алмазом, оно, конечно, разительно отличалось от круглощекого юного лица, что взирало на сталкера из моего удостоверения. Того Геннадия Хомякова и меня разделяла пропасть в дюжину лет, и признать во мне прежнего бравого лейтенанта, что летал на красавце-вертолете «Ка-85», было сегодня практически невозможно. Узловик фактически видел перед собой две разные личности: уродливого, потрепанного жизнью хищника и молодого, еще необстрелянного офицера, чье будущее казалось ему тогда исключительно безоблачным, а жизнь – долгой и радостной...

Да, опознать меня по старой армейской фотографии было очень непросто. К тому же солнце, выглянувшее из-за туч в самый неподходящий момент, отразилось в моем алмазном глазу, и для сталкера я просто взял и растворился в воздухе. Вместе с одеждой, оружием, рюкзаком и документом, который я держал перед лицом пленника...

Помнится, всезнающий Мерлин говорил, что секрет моей мерцающей невидимости сокрыт в особом поле. Оно якобы окружает меня, когда вплавленные в мое тело алмазы начинают рассеивать падающие на них прямые солнечные лучи. Но происходит это лишь в Зоне, поблизости от входов в гиперпространственные тоннели.

Ученые в свое время так и не выяснили истинную природу этих камней. На вид они – неограненные, идеально чистые бриллианты по пятьсот с лишним карат каждый. И по структуре они абсолютно идентичны обычным алмазам. Официальная версия их происхождения гласит, что они – неведомые науке энергетические сгустки, прилетевшие в наш мир из гиперпространства. Эти раскаленные аномальные брызги впились в меня и сразу застыли, отчего им и удалось так глубоко и основательно укорениться в моем организме.

С той поры я весь буквально пронизан густой сетью непонятных нановолокон. Вкупе с алмазами они являют собой компоненты единой энергетической системы. Став неразрывной частью моего тела, она убивает его за пределами Зоны, но рядом с открытыми входами в гиперпространство не только позволяет мне жить без боли, но еще и наделяет меня необходимыми для выживания здесь силой, ловкостью и иными качествами.

Что же за паразит из разверзнувшегося на Земле Ада сделал меня, лейтенанта Хомякова, своим носителем в тот приснопамятный день, о котором я поведаю вам чуть позже?

Эта тварь не подчиняла себе мой разум и не лишала меня воли, но боролась за свою жизнь не менее яростно, чем я сегодня борюсь за свою. Любые попытки хирургов извлечь хотя бы один из моих алмазов неизменно укладывали меня на реанимационный стол. А боли, которые затем терзали, казалось, каждую клетку моего тела, были такими, что с ними едва справлялись самые мощные анальгетики.

Гиперпространственный паразит вселился в мой организм с неведомой мне целью. Я резонно опасался, что, когда мой дьявольский иждивенец достигнет ее и решит разорвать наш симбиоз, он просто-напросто выйдет наружу, растерзав меня на мелкие кусочки. Хорошо, если это произойдет быстро и я не успею ничего почувствовать. Но вдруг паразит будет выбираться из меня медленно: часами, днями, неделями?..

Бр-р! Жуть! Даже думать об этом противно! Я и так чуть было не сошел с ума от боли, когда шесть лет назад хирурги безуспешно пытались выковырять из меня эти проклятые

алмазы. Не хочу, просто отказываюсь верить, что мне уготованы куда более суровые и долгие муки...

Солнце, выглянув из-за туч, почти сразу скрылось обратно, и узловик, перед которым я внезапно исчез и вновь материализовался, даже толком не испугался. Его рука метнулась было к ножнам, но так и замерла на рукояти ножа, не успев расстегнуть на ней страховочный ремешок. Еще бы – ведь мой «кольт-анаконда» уже упирался дулом пленнику в лоб.

– Забыл тебя предупредить, – добавил я, взводя пальцем револьверный курок. – Не надо дергаться, кричать или пытаться убежать, когда я внезапно пропадаю. И вообще не обращай внимания на эту мою странность. Просто считай ее... ну, скажем, нервным тиком. Ты ведь не шарахаешься в испуге от людей, которые страдают нервным тиком или заиканием, верно?

– Нет, не шарахаюсь, – ответил узловик и убрал руку с ножен. – Я это... все понял. Больше не буду. Правда. Уберите пушку... Геннадий Валерьевич.

Ага, значит, уже не Избранный! Все-таки сопляк мне поверил! Или решил подыграть врагу, пустив ему пыль в глаза, а потом снова напасть?

Ну да бог с ним. Не похож этот простачок на своих лицемерных братьев, которые служат Орденоу уже не первый год. Когда-то я сам был молодым и легковверным, разве что не таким глупым. По крайней мере, никто меня тогда в петлю не ловил и за ноги к фонарю не подвешивал.

Я плавно спустил курок и вернул «кольт» в кобуру. Выхватываю я его и впрямь молниеносно и виртуозно – ковбой точно позавидовали бы. Но вот стреляю просто отвратительно. Старые магnumовские патроны здесь редки и стоят бешеных денег, поэтому тратить их на тренировочную стрельбу по бутылкам – непозволительная роскошь. А с пистолетами и револьверами меньшего калибра на местную живность не поохотишься. Иное же раритетное оружие при моем образе жизни мне не подходит. Одно – слишком тяжелое, другое – недостаточно компактное, а третье вроде бы и легкое, и удобное, и скорострельное, но засоряется и выходит из строя в самый неподходящий момент. А грязь здесь, сами понимаете, особая. Стоит только какой-нибудь едкой нанодряни чуть-чуть подточить пружину или разбалансировать автоматику, и все – пушку можно выбрасывать. В итоге я и остановил свой выбор на револьвере – простом, мощном и легко чистящемся оружии. И если оно меня когда-либо подводило, в этом был виноват лишь я сам и мои недоразвитые стрелковые навыки...

– Значит, вы меня не убьете? – полюбопытствовал узловик, понурился головой.

– Убью, – пообещал я, но, едва пленник снова напрягся, уточнил: – Только не сегодня. Вот пошлют тебя снова за моей головой, тогда и убью. А пока живи и радуйся, что не успел разозлить Геннадия Валерьевича как следует. Обычно у меня с вашим братом-охотником разговор короткий... Прощай, недотепа.

И, развернувшись, я собрался было двинуться прочь, однако не успел сделать и пяти шагов, как сталкер меня окликнул:

– Эй, погодите! Вы, кажется, что-то обронили!

Я оглянулся. Все еще сидящий у столба энергик указывал пальцем на лежащий перед ним белый пластиковый прямоугольник. Небольшой – аккурат размером с мой офицерский билет. Собственно говоря, оттуда этот листок и выпал, очевидно, когда я выхватывал револьвер. Выпал и едва не потерялся. А я еще узловика недотепой обзвал! Сам-то чем лучше его?

Оброненный мной кусочек пластика являлся обычной фотографией, упавшей на землю изображением вниз. Я решил вернуться и подобрать ее, но сталкер меня опередил. Отстранившись от столба, он протянул руку и первым поднял мою потерю. После чего так и остался сидеть на корточках, с интересом разглядывая снимок.

Поначалу меня это рассердило, и я хотел было потребовать у наглеца немедля отдать мне фото. Но, заметив вмиг посветлевшее лицо узловика и тронувшую его губы улыбку, вдруг ощутил, как моя злоба стремительно испаряется, а на ее место приходит изрядно позабытая мной за минувшие годы жалость. Жалость к этому обделенному отцовским вниманием, но

явно не деньгами простак. Который, желая отомстить ненавистному родителю, снабжает его капиталами Орден Священного Узла; разумеется, теми капиталами, к которым нерадивый сын имеет доступ. А уж Командор найдет способ, как выжать из неопита побольше средств. Если уже не выжал из него все до копейки. Сомнительно, чтобы Хантер отправил на верную смерть – а ловля Алмазного Мангуста для такого глупого сталкера ничем иным закончиться и не могла – одну из своих «дойных коров».

– Кто это? – спросил продолжающий улыбаться узловик, не сводя взгляд с фотографии.

– Это моя жена Елизавета и наша десятилетняя дочь Аня, – ответил я, после чего счел необходимым уточнить: – Вернее, Ане исполнилось десять, когда был сделан этот снимок. К сожалению, более нового у меня пока нет... до поры до времени. Вот так я и слежу за тем, как растет моя дочь. Пять лет уже слежу. Обидно, конечно, но что поделывать, раз по-другому нельзя.

– Она милая, – почтительно заметил рыцарь. – И ваша жена тоже очень красивая... Это точно... – И, протянув мне фотографию, признался: – А меня Георгием зовут. Георгий Дюймовый... В смысле, фамилия моя такая. Не то чтобы она была сильно известна там, за Барьером, но в деловых кругах моего отца хорошо знают. Осип Дюймовый – владелец нескольких транспортных компаний. Ну, вы понимаете: туризм, грузоперевозки и все такое.

– Понимаю, – кивнул я, пряча фотографию обратно в офицерский билет, и усмехнулся: – Ты небось, Жорик, в Священный Узел подался еще и потому, что в Ордене прозвища друг другу давать не принято, верно? Как ни крути, а «брат Георгий» звучит куда солиднее, чем... Ну, ты тоже меня понимаешь.

– Ага, – усмехнулся мне в ответ узловик, правда, не слишком весело. – Вы угадали: меня в школе Дюймовочкой аж до пятого класса дразнили. В общем, пока в спортивную секцию не записался и сдачи давать не научился. После этого сразу отстали. А когда поняли, кто у меня отец и сколько он мне выдает на карманные расходы, все до единого стали в друзья напрашиваться. Сначала в школе, затем в институте. Только ну их к черту таких друзей, правильно? Эх, знали бы вы, Геннадий Валерьевич, сколько мы, бывало, за одну ночь в клубах бабла просаживали! Ужас!..

– А сколько ты уже Командору отстегнул, если не секрет? Он ведь тоже тебя не за бесплатно братом называет, – ехидно полюбопытствовал я, нехотя втягиваясь в разговор. Редко, очень редко мне доводится вот так, по-простецки, поболтать в Зоне со сталкерами. А особенно с теми, кто приходит меня убить.

Жорик уставился на меня с таким обиженным выражением лица, будто я не задал ему откровенный вопрос, а отвесил пощечину.

– Нет, ну вы скажете тоже! – набычившись, проворчал он. – Это ж две очень большие разницы: на выпивку, травку и девчонок деньги спускать или помогать моим братьям делать большое, нужное дело! Я ведь давно не маленький, могу отличить, что хорошо, а что – плохо!

– И все-таки, – настаивал я, – сколько ты, брат Георгий, уже потратил на поиски Узла, установление нового мирового порядка и прочую благотворительность?

– Мне для братьев ничего не жалко! – ответил рыцарь, чье самолюбие было явно задето моей дотошностью. – Я – реалист и осознаю, что даже на благие дела порой нужны немалые средства. Все деньги, какие у меня были, я передал Ордену! Зачем они мне в Зоне, сами посудите? Братья снабдят меня всем, что необходимо, и всегда придут на помощь в трудную минуту. Мы – одна семья! Великая семья! И если бы отец не заблокировал мои счета, я помогал бы Ордену деньгами и поныне. Но поскольку это больше невозможно, значит, я обязан проявить себя в другом священном деле. Например, в поиске Избранного. Таков мой рыцарский долг!

– Все ясно. Именно так я и думал, – хмыкнул я, довольный тем, что раскусил простофилю еще до того, как он сам мне во всем признался. – И как, Жорик, ты теперь оправдаешься перед Хантером в том, что не убил меня? Ведь братья на тебя рассчитывали, а ты их подвел.

– Да запросто, – пожал плечами сталкер. – Меня послали убить Избранного, но поскольку вы – точно не он, значит, тот, кто подсунил Командору эту информацию, допустил ошибку. Скажу всю правду: так, мол, и так, мы пользовались ложной информацией – Алмазный Мангуст вовсе не Избранный, а обычный человек... Ну, то есть не совсем обычный, но явно не тот, кто нам нужен. Скажу еще, что вас зовут Геннадий Хомяков и что за Барьером у вас есть семья, и вообще...

– И о моей семье, Жорик, и обо мне Командору давным-давно все известно, – перебил я собеседника. – И если бы Хантер мог до нее добраться, он, не мешкая, сделал бы это, не сомневайся. Он охотится за мной не потому, что считает меня Избранным. Все дело в этом. – Я щелкнул пальцем сначала по своему алмазному глазу, а потом по камню, вплавленному мне в шею рядом с гортанью. – Орден, «барьерная» мафия, сталкеры-одиночки, которые по локациям промышляют, – все хотят мои сокровища к рукам прибрать. Да и у тебя, гляжу, глаза загорелись – тоже небось был бы не прочь таким камушком разжиться?

– Да нет, я с камнями как-то не очень... Их ведь надо еще в деньги обращать, а это столько проблем! А то еще возьмут и не заплатят – самого прикончат, а товар просто так отберут, – попытался вяло оправдаться рыцарь и отвел глаза, дабы они не выдали, что он, мягко говоря, лукавит. – Но почему вы Орден и мафию под одну гребенку стрижете? Неужели всерьез боитесь, что Командор захватит вашу семью в заложники, как поступили бы бандиты?

– Боюсь, Жорик. Еще как боюсь, – признался я. – Поэтому в свое время и сделал все возможное, чтобы такого не случилось. Если бы Орден и мафия могли, они давно схватили бы мою жену и дочь. Семь превосходных бриллиантов, каждый – величиной с абрикос... Против такого искушения даже будущие спасители мира, такие, как твой Савва Хантер, не устоят! И пойдут на любые меры, чтобы заполучить эти камушки. Я это предвидел еще до того, как в Зону подался, и сделал все возможное, чтобы данная проблема меня не беспокоила. Думаешь, стал бы я просто так разгуливать по Зоне с этой фотографией в кармане и рассказывать тебе о Лизе и Анечке?

– Нет, наверное.

– То-то и оно. Теперь они под надежной защитой, и я за них полностью спокоен.

– Это хорошо... Это просто здорово, – кивнул узловик, а затем решительно помотал головой. – И все равно вы не правы. Точно вам говорю, Геннадий Валерьевич: вы заблуждаетесь! Мы с братьями, конечно, не святые и запросто можем ошибиться, приняв вас за Избранного, но чтобы пытаться вашу семью из-за каких-то алмазов!.. Нет, исключено. Мы ж, в конце концов, не звери какие-то? У нас вон и кодекс чести имеется!

– Ты хороший человек, Жорик, – заметил я совершенно искренне, – и сегодня твоя святая простота, возможно, спасла тебе жизнь. Однако, поскольку ты все еще продолжаешь верить в честность и благородство своих старших братьев по Ордену, значит, либо ты очень недолго прожил в Зоне, либо слишком наивен, либо то и другое вместе. Согласен, без Ордена здесь царил бы и вовсе махровая анархия. Но и тот порядок, какой он насаждает, лишь с большой натяжкой можно назвать справедливым. Приговоры, которые выносят ваши суды, напрямую зависят от того, насколько проступок того или иного сталкера затронул интересы Священного Узла. Что, сам понимаешь, далеко от канонов подлинной справедливости. Слишком уж однобоким получается ваше правосудие, брат Георгий. Я на каждом шагу вижу, как исповедуемая Саввой доктрина расходится с делами, какие вы в действительности творите. И мне будет жаль, если день, когда ты сам осознаешь это, станет последним днем в твоей жизни. Беги из Зоны, Жорик. Беги, пока не поздно, и стань опять нормальным человеком. Ведь тебе, в отличие от меня, сделать это намного проще и безболезненней...

В небе над нами что-то мелькнуло. Какой-то объект – слишком мелкий и чересчур стремительный для биомеха вроде гарпии. Да и летел он не параллельно земле, а по крутой траектории ввысь. Узловик его и вовсе не заметил, поскольку смотрел в другую сторону.

Впрочем, даже паясь сейчас Жорик в небо, вряд ли он засек бы взмывший в зенит предмет, похожий на сигару. Я и то обнаружил его лишь посредством своего алмазного ока. Оно воспринимало мир в особой проекции и накладывало ее на то изображение, какое я вижу нормальным глазом. Проще говоря, на картинке, что поступала мне в мозг, все статичные или медленно движущиеся предметы были окружены специфическими аурами. И любой возникающий у меня перед глазами новый объект, который был крупнее куриного яйца и двигался быстрее бегущего человека, оставлял на фоне этих аур четкий след.

Именно такой след и прочертила для меня сигарообразная хреновина, запущенная в небо неизвестно кем и для чего. Прочертила и, истратив свой взлетный потенциал, замерла на мгновение в вышине, а затем устремилась вниз.

Судя по траектории, объект должен был упасть метрах в трехстах от нас. Однако его свободное падение продолжалось всего пару секунд. Внезапно по бокам снижающегося предмета возникли две пары коротких крыльев, а из задней его части вырвалась огненная струя. После чего курс его полета резко изменился. Заложив крутой вираж, эта маленькая ракета развернулась в воздухе и нацелила свой нос прямо на нас.

– Бежим! – крикнул я все еще ни о чем не подозревавшему Жорику и, схватив его за шиворот, рывком поставил сталкера на ноги. На его счастье, он не стал задавать дурацких вопросов о том, с чего это я вдруг переполошился. Вскочив, узловик не мешкая и без оглядки припустил за мной.

Я бежал в сторону, противоположную той, где засел стрелок, выпустивший по нам из подствольного гранатомета так называемый плазменный привет – гранату «ГП-40». Точнее, одну из наиболее коварных ее разновидностей: антиснайперскую «АС». Ту, что, будучи выстреленной по навесной траектории, способна мгновенно просканировать расположенную внизу местность и, обнаружив по характерному излучению все имеющееся на ней импульсное оружие, нанести удар либо по какой-то конкретной его модели, либо просто по наибольшему скоплению такового – в зависимости от заданной программы.

Из-за узкоспециализированного назначения «АС» стрелок применял ее лишь тогда, когда был точно уверен, что в зоне ее поражения находятся только враги. В нашем случае это означало, что шарахнувший в нас из подствольника тип не видел меня и рыцаря, но знал о нашем присутствии. И о том, что среди нас нет тех, о чьей смерти гранатометчику пришлось бы потом сожалеть.

Как здорово, что я отшвырнул Жориков пулемет подальше! Это позволило нам отыграть сейчас у врага несколько жизненно важных секунд. Настроенная на электронику «карташа», ракета ударит туда, где он валяется, и у нас есть шанс не угодить в плазменную вспышку. Чуть больший – у меня, чуть меньший – у узловика, резвость которого, в отличие от моей, оставляла желать лучшего.

Местность по обе стороны разбитой дороги (судя по редким сохранившимся указателям, когда-то она называлась Краснопресненским проспектом), где я изловил недотепу-сталкера, была изрыта «носорогами» и «бронезаврамами» так, словно они устраивали здесь брачные игрища. Дабы не изжариться заживо, нам предстояло удрать от эпицентра грядущей вспышки не менее чем на шестьдесят метров. И барьеров на нашей дистанции было не меньше, чем на стометровке для соревнований по стипль-чезу.

Напичкавший себя боевыми имплантами Жорик, похоже, решил сэкономить на мышечных ускорителях, хотя такому увальню, как он, подобные примочки явно не помешали бы. Я не собирался его дожидаться – чай, не друзья-товарищи – и потому быстро ушел от него в отрыв. И прислушивался я не к топоту и сопению узловика, а к шуму снижающейся ракеты. Он стремительно нарастал, но поскольку я уже сталкивался с таким оружием, то смел надеяться, что не провороню момент, когда надо будет сигать в укрытие.

Три... два... один... Пора!

– Ложись! Мордой в землю и не дышать! – не оборачиваясь, гаркнул я отставшему рыцарю. Теперь неважно, сколько он пробежал. Нам еще надо успеть зарыться в глину – авось да убережем лица и руки от ожогов. За прочие части собственного тела, защищенные легким и огнеупорным пилотским комбезом, я не переживал. Облаченному в доспехи брату Георгию тоже можно не опасаться сильных ожогов. Но из-за того, что он отбежал от столба не так далеко, как я, все могло обернуться для Жорика намного хуже.

Я нырком сиганул в траншею, на край которой в этот момент выскочил, и, скатившись на самое дно, погрузил кисти рук и лицо в рыхлую глинистую осыпь, что съехала со склона вместе со мной. А спустя две секунды понял, что малость ошибся в расчетах и мог бы пробежать десяток лишних шагов, аккурат до следующей канавы. А узловик, в свою очередь, вероятно, успел бы допрыгать до этой...

Ну да ладно, что сделано, то сделано. В конце концов, я – обычный человек, не вшивший себе в голову боевой компьютер, и потому имею право на ошибку. Даже на такую, которая может стать для нас с Дюймовым фатальной.

«Плазменный привет» я не вижу, но отлично его чувствую. Ощущения такие, словно меня шутки ради втолкнули в раскаленную парную и снаружи подперли дверь. От жара, что ураганной волной растекся по округе, никуда не деться. Уши, кажется, натуральным образом сворачиваются в трубочку. Спину припекает даже сквозь плотную ткань комбеза. Хочется засунуть голову в сырую, холодную глину еще глубже, по самый затылок, но любое, даже незначительное движение обжигает кожу и делает жар еще нестерпимее. Вот мне и остается одно – лежать без движения и, стиснув зубы, стойко сносить мучения. И радоваться тому, что за пределами траншеи свирепствует и вовсе адское пекло, от которого у меня вмиг выгорели бы волосы и обуглилась кожа.

Как там, интересно, дела у Жорика? Хватило у него ума укрыться в траншее, или этот олух залег на поверхности и сейчас покрывается хрустящей, но отнюдь не аппетитной корочкой? Не хотелось бы мне потом добивать его, смертельно обгоревшего и бьющегося в агонии. Не по нутру мне такое сталкерское милосердие. Уж лучше пусть сукин сын умрет быстро или, хрен с ним, выживет. Одно из двух, а что именно, мне, сказать по правде, на это начхать. Я не расстроюсь при виде мертвого узловика, но и не стану ликовать, если мой несостоявшийся убийца спасется.

Волна жара быстро сошла на нет, но, прежде чем вновь начать дышать, я выждал несколько секунд. Даже не слишком горячий воздух способен обжечь легкие при первом глубоком вдохе, который я сделаю, продержавшись без воздуха почти минуту. Лучше еще немного потерпеть и подстраховаться.

Что ж, пожалуй, достаточно. Я выкопался из глины и, шумно вдохнув полной грудью, наскоро отер от грязи лицо и руки. Можно сказать, пронесло, но полностью уповать на это пока не стоило. За минуту гранатометчик мог подобраться к нам на расстояние прямого выстрела и повторить попытку приготовить из нас жаркое.

Да, рано благодарить судьбу. Самое время высунуться из траншеи, осмотреться и выяснить, кому на сей раз вздумалось поохотиться на Алмазного Мангуста. Что ни говори, а этот пока невидимый враг пугал меня значительно больше простака Дюймовочки...

Глава 2

Жорику повезло. Он не только сообразил нырнуть в траншею, но вдобавок успел забиться под лежащий в ней обломок бетонной плиты. Верно подмечено: жить захочешь – вмиг поумнееешь. На прилетевшем вслед за волной жара холодном ветру от нагретых доспехов рыцаря шел пар. Лицо везунчика раскраснелось, кончики волос у него на голове были опалены, но он остался жив, и это главное.

Завидев подкрадывающегося меня, сталкер тоже решил было вылезти из канавы. Но я подал ему знак сидеть на месте и помалкивать, после чего сам спрыгнул к нему в укрытие. А затем высунул из траншеи нос и усталился в том направлении, откуда мы сюда примчались.

Заметил враг наше бегство или нет, неизвестно. Но с минуты на минуту он обязательно явится на выжженный пятачок, оставшийся после вспышки плазменной гранаты. Стрелку надлежало выяснить, что с нами произошло. Либо он обратил нас в золу, либо мы, недожаренные, корчимся неподалеку, либо дорогостоящая «ГП-40АС» была потрачена им впустую.

Мы с моим невольным собратом по несчастью испытывали к врагу не меньший интерес. Я – по уже упомянутой выше причине, а рыцарю явно хотелось узнать, что за наглец осмелился покуситься на члена Ордена, бросив ему тем самым открытый вызов. Яростно сопящий и от злобы, и от сбитого при бегстве дыхания, узловик тоже высунулся из траншеи, но был тут же грубо одернут мной, ибо его бестолковая голова так и напрашивалась, чтобы ее кто-нибудь отстрелил.

– Спокойнее, Жорик, – добавил я при этом. – Не кипятись, наберись терпения. Забыл, что ли, правило: охотник мимо подстреленной добычи не пройдет. Скоро выясним, что за ублюдочная тварь дерзнула подпалить тебе шевелюру.

Сия малоприятная истина открылась нам, не успели мы еще толком отдышаться. Неожиданная разгадка удивила даже меня, а Дюймового не только удивила, но и огорчила до глубины души. Смотреть сейчас на брата Георгия было воистину жалко. При появлении на дороге наших врагов его челюсть ошарашенно отвисла и задрожала, а вытаращенные глаза заблестели, но уже не от злости, а от накативших на них слез нескрываемой обиды.

Жорик был отважным парнем, это бесспорно. Но стойко выдержать нанесенный ему судьбой вероломный удар под дых у него не получилось. Впрочем, я в его возрасте тоже наверняка испытал бы шок и был бы морально раздавлен, предай меня вдруг, к примеру, мои лучшие товарищи по летному училищу. К счастью, в те годы бог оградил меня от подобных потрясений – видимо, рассудил, что мне с лихвой хватит проблем в будущем. А вот Георгию Дюймовому в этом плане не подфартило. Люди, с которыми его связывали, казалось бы, накрепчайшие братские узы, поступили с ним отнюдь не по-братски.

Вот не думал, что мое пророчество насчет ожидающего Жорика вскорости прозрения сбудется настолько быстро! Увидев выходящих на дорогу пятерых узловиков, я тоже немало удивился, поскольку ожидал лицезреть не их, а военных-чистильщиков. Только армейцы поголовно ненавидели всех сталкеров-нелегалов и имели право стрелять без предупреждения по любому из них, не делая разницы между наемниками, рыцарями, егерями и обычными вольными промысловиками.

Пальнуть по узловику исподтишка мог и обычный сталкер, не в меру озлобленный по какой-либо причине на судей Зоны. Но чтобы члены Ордена убивали друг друга – с подобной разборкой я сталкивался впервые. Подозревал, что эти двуличные типы на такое способны, однако до сей поры думал, что мои подозрения все же преувеличены. У Хантера хватит совести отправить своего не слишком ценного бойца на верную гибель, но использовать его в качестве приманки для антиснайперской ракеты являло собой вершину командорского цинизма.

Ничего не скажешь: хорошенькую благодарность заслужил брат Георгий за свои щедрые денежные пожертвования Священному Узлу!

– Как же так? – дрожащим голосом промямлил Жорик, таращась на приближающихся к месту взрыва узловиков. – Брат Ипат! Брат Улдис! Брат Мераб! Но ведь они сказали, что будут дожидаться меня на Ходынке! Сказали, чтобы я шел и проверил, верны ли слухи, будто Избранный скрывается возле Живописного моста, а потом вернулся назад и доложил! Сказали, а сами почему-то сейчас здесь!.. Что ж это получается? Значит, все время они незаметно шли следом за мной?

– Во-о-он оно как! – вполголоса заметил я, смекая, что к чему. – Забавная складывается ситуевина! Стало быть, Жорик, тебя послали всего лишь на разведку, а ты нарушил приказ старших братьев и вздумал геройствовать! А ведь они, ручаясь, знали, что именно так ты и поступишь: заметишь Избранного и не устоишь перед искушением расправиться с ним в одиночку! Иными словами, не упустишь шанса выслужиться перед Командором!

– Но даже если знали... Почему так? Зачем по мне... ракетой? – вконец сник сталкер. – Ведь я же – свой! Мы же с ними братья... вроде бы.

– Хороший вопрос, юноша, – согласился я с ним. – Особенно учитывая, что всей Зоне известно: Мангуст принципиально не пользуется современным оружием. А значит, ракету однозначно наводили на твой «карташ». И впрямь, с чего бы вдруг? Может, эти парни – твои должники? Ты случаем не обыграл их накануне в карты? Сам понимаешь: загнанный в большие долги человек мало чем отличается от загнанного в угол зверя...

Между тем узловики достигли места, где до этого околачивались мы, и стали внимательно изучать выжженное плазмой пространство. Я понятия не имел, кто из рыцарей – братья Улдис и Мераб, – но Ипата опознал сразу. Известная в Пятизоне личность. Толкуют, что именно он станет следующим орденским надзирателем-приором Московской локации. Опытный сталкер-мнемотехник, способный, по слухам, подчинять себе даже неукротимых биомехов. Такого аса Командор точно не отправил бы, как брата Георгия, вызывать огонь на себя. А вот на ловлю Алмазного Мангуста – вполне вероятно, пусть прежде Ипат этим никогда не занимался. Да и Улдис с Мерабом тоже явно не рядовые члены Ордена. Не зря же Жорик выделил их из группы наряду с матерым мнемотехником?

– Я не играю в карты, и никто мне ничего не должен! – пробубнил несостоявшийся Авель, немного отойдя от потрясения. – Это я чувствовал себя перед ними в долгу. Я всегда был готов умереть за братьев! Но им стоило меня об этом просто попросить, а не втыкать мне нож в спину! Почему? Неужели они мне не верили? А я-то думал, что давно заслужил их доверие! Да и они сами мне об этом не раз говорили! Лжецы!..

Я не стал спорить мысленно сам с собой, расплачется Жорик или нет, но тот «я», который думал, что он вот-вот расклеится, проиграл бы. Судьба крепко треснула брата Георгия, но, к моему очередному удивлению, он все-таки устоял на ногах.

А вот ума, увы, не набрался.

Шок у обманутого узловика быстро перерос в праведный гнев, а гневаться молча такой прямодушный парень попросту не умел. Я поздно спохватился и опоздал шикнуть на него до того, как он обозвал собратов лжецами. Негодующая тирада сталкера была начата полупшепотом, а завершена уже довольно громким возгласом, который вмиг долетел до чутких ушей узловиков, вынюхивающих нас на дороге.

– Жорик, ты кретин! – змеей прошипел я, с головой юркнув в траншею, когда Ипат и его напарники дружно повернулись в нашу сторону. – Чертов гребанный кретин! На кой хрен я вообще с тобой связался!

Дюймовый открыл было рот, видимо, желая оправдаться, но в этот момент рыцари вскинули оружие и открыли стрельбу сразу из всех стволов. Два легких импульсных пистолета-пулемета «штурм», два «карташа» – таких же, какой был у Георгия, – и один лазерный

армган шарахнули по нам неприцельным огнем, взрывая и выжигая до корки берега траншеи. На нас посыпались глиняные комья и обломки бетона, и мне пришлось забыть о перебранке с пустоголовым увальнем, который вновь накликал на мою голову беду.

Нет, с таким напарником далеко не уедешь! Да и нужен он мне, как бронезавру автомагнитолы! Самое время распрощаться с этим болваном и рвать когти, пока рыцари не похоронили нас обоих в одной канаве, словно в братской могиле.

– А ну живо под плиту! – прикрикнул я на сталкера и подтолкнул его в направлении убежища, где он только что прятался от плазменной вспышки. – Забейся в нору, как мышь, и молись, чтобы Ипат всю свою банду за мной увел! И не вздумай больше мне на глаза попадаться! Никогда в жизни! Клянусь: будешь меня преследовать – снова вздерну на тресе! Только на сей раз за шею! Усек?!

Что ответил мне брат Георгий, я не расслышал, поскольку, пригрозив ему, в следующий миг уже бежал по дну траншеи в сторону Гребного канала. И тоже молился. Но не о том, чтобы рыцарский квинтет потерял нас с Жориком из виду – этим вопросом должен был озадачить Всевышнего Дюймовый.

Моя молитва была обращена к солнцу, на чью помощь я уповал сегодня гораздо чаще, чем на вмешательство в мою судьбу Господа Бога. В отличие от него, солнце выручало меня регулярно. А он если и помогал, то лишь в качестве запоздалой компенсации за свою злую шутку. Ту самую шутку, что он сыграл со мной шесть лет назад, когда одарил меня многочисленными сокровищами, которые не принесли мне ничего, кроме страданий и боли.

Нынче солнце тоже не особо спешило мне на подмогу. Оно пряталось за облаками, не позволяя, таким образом, избежать стычки с узловиками наиболее легким способом. Траншея протянулась от силы на полста метров, так что я не рассчитывал покинуть ее незамеченным. Добежав до ее восточного конца, я в последней надежде молитвенно возвел очи к небу – нет, светило выйдет из-за туч еще не скоро – и, чертыхнувшись, в один прыжок выскочил на край склона.

Благо, хоть мое обезьянье проворство не зависит от погодных явлений, как невидимость. Разве только под дождем я, боясь поскользнуться и свернуть себе шею, не рискую забираться чересчур высоко и держусь по возможности ближе к земле. Но нынче, к счастью, сухо, а значит, этим охотникам придется ловить меня по всем правилам. То есть без поддавок с моей стороны.

Продолжая стрелять по тому участку канавы, где они нас засекли, Ипат со товарищи подступили к склону. Они не знали, по какому из двух доступных нам направлений мы рванем, и потому растянулись в короткую цепь, перекрыв таким порядком половину траншейного берега. Ближайший ко мне узловик – судя по его кавказской наружности, это был Мераб – обнаружил мое появление и моментально выпустил по мне очередь из «ИПП». Но пока враг разворачивался, я в два гигантских стремительных прыжка достиг следующего рва и сиганул в него. Пули взрыли землю там, где отпечатались мои следы, и, пронесшись у меня над головой, ударили в склон траншеи. Но все выстрелы Мераба были сделаны впустую. Я снова скрылся от стрелков в мертвой зоне.

– Во имя Священного Узла, приказываю тебе сдать его слугам, Мангуст! – прогремел над округой усиленный голосовыми имплантами властный голос. – Бегство бесполезно! Ты окружен!..

Если бы всякий раз, когда ко мне обращались с подобными угрозами, я получал от преследователей по десять баксов, то уже купался бы в деньгах, как Жориков папаша – Осип Дюймовый. А если бы еще при этом приплачивали за каждую выпущенную в меня пулю, я, наверное, давно организовал бы собственный Орден и сидел под защитой армии телохранителей, поплеывая от скуки в потолок. Но, увы, все устроители сафари на Мангуста как на подбор

оказывались скрягами и не считали должным платить мне за доставленное им удовольствие. Кто знает, может, поэтому я и питал хроническую неприязнь ко всему здешнему миру?

Сегодняшних ловцов было мало, но лучше бы за мной гналась дюжина обычных наемников или прельщенных блеском моих камушков вольных сталкеров. Что конкретно подвигло такого авторитетного узловика, как Ипат, лично взяться за мою травлю, я не догадывался, но свою ловушку он подготовил на совесть. Дал мне поверить, будто это я поймал Жорика, а оказалось, тот служил лишь приманкой – такой, в которой Мангусту будет крайне сложно учуять подвох.

Возможно, охотники полагали, что на момент, когда они нанесут по мне ракетный удар, брат Георгий будет уже мертв и на них не ляжет клеймо братоубийства. Так что чудом выживший Дюймовый зря обвинял Ипата в тяжком грехе – мнемотехник пытался откреститься от него со всей присущей узловикам изворотливостью.

Впрочем, это был уже пройденный этап. Теперь, когда рыцари подобрались ко мне на расстояние прямого выстрела, необходимость таиться для них отпала. И они накинулись на меня с остервенением поваров элитного ресторана, узревших у себя на кухне мышь.

Ипат и впрямь решил не мелочиться и оснастил сразу двух членов своей команды сплит-артефактами «Джампер». Знакомая дрянь. В прошлом на меня уже охотился сталкер-прыгун, нацепивший пояс, сплетенный из автона, под названием «Титановый выюн». Будучи подцепленным к «Сердцу Зверя», этот пояс включался посредством перчатки-«Фрича», после чего его владелец мог совершать гигантские прыжки – на дюжину метров в высоту и на полста в длину. А безопасное снижение после такого подскока происходило за счет затухания эффекта левитации, возникавшего при контакте «Фрича» с наэлектризованным «Титановым выюном».

Каждый сталкер мечтал заполучить себе «Джампер», но, во-первых, далеко не каждому он был по карману, а во-вторых, отыскать на просторах Пятизонья вышеназванный автон было ненамного легче, чем пресловутый цветок папоротника. Так что, даже скопив подходящую для покупки левитирующего сплит-артефакта сумму, вы могли еще невесть сколько дожидаться, когда эта диковинка появится в продаже на сталкерском рынке. А затем скрестить пальцы на удачу, чтобы, не дай боже, какой-нибудь более пронырливый и богатый покупатель не увел «Джампер» прямо у вас из-под носа.

Сразу, как только прыгуны-узловики активировали свои пояса, выбранная мной тактика – бегство по дну траншей – утратила свое преимущество. Перескакивая из рва в ров, я планировал добраться таким образом до руин спорткомплекса «Крылатское». Его запутанные лабиринты мне, в отличие от рыцарей, было запросто преодолеть напрямик – поверху. Но теперь, когда выяснилось, что двое преследователей могут скакать по развалинам гораздо шустрее меня, соваться туда отпало всякое желание. Улепетывать по открытой местности, вдоль Москвы-реки, и подавно нельзя. При ярком солнце – еще куда ни шло, но не сейчас. К тому же вчера я заметил ошивающихся на берегу колесных ботов, которых мнемотехник тоже мог шутя на меня натравить.

Оставалось два пути. Первый: переплыть реку, рискуя повторить участь легендарного комдива Чапаева либо быть обглоданным до костей скоргами-пираньями. И второй путь: улепетывать к Живописному мосту. Или, вернее, к тому, что от него ныне осталось.

Вскарабкавшись на это полуразрушенное сооружение, я создам прыгунам дополнительные проблемы и тем самым увеличу свои шансы на успех. А затем переберусь на другой берег реки. Пусть не туда, куда я направлялся до встречи с Жориком, но поблизости от Курчатника мне будет проще отделаться от погони.

В тех краях полным-полно всевозможного техноса, не то что здесь. На одном тамошнем квадратном километре пасется гораздо больше тварей, чем их сможет подчинить себе зараз Ипат. Мне останется лишь обнаружить с высоты ближайшую стаю биомехов и выманить на

нее врагов. Вот и пусть грызутся между собой, а я в это время посижу в укромном уголке и поболее за ту команду, какая мне больше приглянется.

Но об этом я задумуюсь, лишь когда пересеку реку. А пока моей главной задачей являлся штурм Живописного моста.

Сталкеры, которые оказывались в данном районе Москвы уже после Катастрофы и впервые видели этот мост, часто думали, будто он тоже стал тогда жертвой аномальной стихии, как и большинство строений в локациях Пятизонья. Думали и ошибались, потому что Живописный, напротив, являл собой одно из его редких сооружений, сохранивших свой относительно первозданный вид и месторасположение. А то, что сие архитектурное творение, вопреки законам логики, пересекало реку не перпендикулярно, а по диагонали, было целиком заслугой его создателей. Это по их замыслу оно вписалось в облик Москвы начала нашего века именно таким экстравагантным способом. Зачем и почему – мне неизвестно, а справиться об этом теперь не у кого. Да и не особо это меня волнует – вокруг с избытком хватает иных, более загадочных чудес.

Конечно, пережить катаклизм совсем безболезненно Живописному мосту не посчастливилось. Мощные тектонические подвижки речных берегов обрушили оба съезда с него. Плюс наделали иных бед: обломали несколько опор и заставили прогнуться до самой воды пару пролетов. А также заметно покосили пилон – стометровую подковообразную арку, что возвышалась над серединой моста и поддерживала ее при помощи длинных стальных вант. Часть их полопалась, но остальные продолжали героически нести на себе немалый вес конструкции, слава о беспримерной стойкости которой давно пересекла границы Пятизонья.

Петляя, как настигаемый гончими заяц, я пронесся до обвалившегося мостового съезда. А затем, перепрыгивая с камня на камень, начал подбираться по их груде к свисающему крайнему пролету, чей обломанный край маячил довольно-таки высоко над береговой поверхностью.

Летающие узловки не отставали, преследуя меня, подобно двум огромным кузнечикам: взлетали вверх, планировали на землю и вновь взлетали, отчего траектория их бега напоминала неровную линию энцефалограммы. Меткость стрельбы охотников, правда, при этом снизилась. Удерживая «шторм» в одной руке, второй рукой – той, на которой была надета перчатка-«Фрич», – прыгун непрерывно колотил себя по поясной пряжке, активируя таким образом раз за разом «Джампер». Патроны рыцари также старались экономить. Иначе им пришлось бы слишком часто останавливаться на перезарядку оружия, в то время как я продолжал бы нестись во весь опор дальше.

Мое усердное петляние, помноженное на прыжки врагов, грозило лишь случайным попаданием пули мне в спину. Однако по мере того, как рыцари сокращали разделяющую нас дистанцию, случайность эта становилась все более вероятной. Я, разумеется, не мог сигать вверх на дюжину метров; перемахнуть трехметровый барьер с хорошего разбега – вот мой нынешний прыжковый потолок. Впрочем, этого было вполне достаточно, чтобы ухватиться за торчащую из кромки обвалившегося пролета арматуру. А затем – подтянуться, подыскать опору для ног, оттолкнуться от нее и – вуаля! – я на Живописном!

При моем специфическом образе жизни мне приходится хвататься за все подряд по сто раз на день, и потому на руках у меня – крепчайшие горнострелковые перчатки. Тело от ссадин и ушибов тоже защищено на совесть. Заботу о нем я доверил привычному серому летному комбинезону, который в прежние времена был практически моей второй кожей. Вшитые в него гибкие, но прочные налокотники и наколенники приняли на себя уже столько ударов, сколько хватило бы, пожалуй, на раздробление тысячи суставов. И обувь я опять-таки ношу особую. Сталкерские ботинки для меня тяжелы, поэтому я предпочитаю им легкие скалолазные кроссовки с шипами.

А вот от шлема пришлось отказаться, заменив его простой банданой. Носить его постоянно неудобно, а надевать лишь при виде опасности – значит терять всякий раз по несколько драгоценных секунд. Ну уж нет! Я с куда большей пользой потрачу их на бегство, маскировку или превентивную контратаку. А вместо шлема я лучше брошу в рюкзачок дюжину-другую лишних патронов. Они, конечно, не оградят мою голову от шишек и сотрясений, зато избавят от тех напастей, от каких шлем точно не спасет.

Очутившись на Живописном, я во все лопатки рванул вдоль по нему, но это продлилось недолго. Еще до того, как прыгуны «вспорхнули» следом за мной на мост, я достиг первой подвернувшейся на пути уцелевшей ванты, вскочил на нее и, помогая себе руками, стал карабкаться по ней вверх. Прямо на арку.

Прикрепленный к ней под углом в сорок пять градусов упрятанный в кожух стальной трос был чуть толще фонарного столба, на котором я подвесил Жорика. Для обычного человека восхождение на стометровую высоту по такой головокружительной дороге практически невозможно. Но я вполне мог постараться спастись от погони и таким маршрутом...

Вы, конечно, давно обратили внимание на то, как небрежно я рассуждаю о подобных вещах: забраться на высокий столб, выпрыгнуть из глубокой траншеи, скакать по развалинам, бегать на стометровой высоте по узким наклонным вантам... Ну да, все так и есть. Эти и прочие выкрутасы действительно отнимают у меня столько сил, сколько у вас отнимет, например, бег в среднем темпе по пересеченной местности.

Удивительно? Ничуть. Весь фокус в том, что в наших краях нет нормальных людей, а тех, какие здесь обитают, мои способности не удивляют.

Не верите? Хорошо, давайте займемся сравнительным анализом. Заставьте меня пересечь бегом любую из локаций Зоны напрямик, преодолевая по пути рвы, нагромождения руин и иные преграды, – а это в среднем километров тридцать с лишним, – я рухну от изнеможения, не пробежав и четверти этой дистанции. Сталкеры – не все, а только те, кто напичкал себя по самую макушку имплантами-усилителями и нанокатализаторами, – сдадутся где-то на половине. Носители левитирующих поясов-«Джамперов» одолеют не меньше двух третей означенного пути. И только укротившие и оседлавшие какого-нибудь крупного биомеха сталкеры-мнемотехники имеют шанс дойти в нашем гипотетическом кроссе до финиша. И это лишь в теории, без учета яростных стычек с техносом, коих при таком испытании никак не избежать.

Вот и оцените мои таланты через призму здешней реальности. Как видите, они довольно скромны. А если вспомнить, что я лишен возможности пользоваться современным оружием, имплантами и терапевтическими инъекциями нанороботов, эти жестокие по меркам Зоны ограничения и вовсе делают меня местным анахронизмом. Таким же, как мой неразлучный антикварный друг «кольт-анаконда»...

Итак, я полез на арку. И, как вы поняли, не от избытка куража, а сугубо из тактических соображений. Мне нужно было продержаться еще несколько минут – ровно до того момента, пока из-за облаков не вынырнет солнце. Когда это произойдет, я улизну с пилона буквально под носом у рыцарей, пусть даже они обложат меня на верхотуре со всех сторон.

Как минимум два десятка вант все еще были прицеплены к арке с западной стороны и примерно столько же – с восточной. По какому из тросов я – невидимка – спущусь на мост? Поди, Ипат, угадай! Даже если у тебя или у кого-то из твоей команды есть импланты-тепловизоры, проку от них не будет. Маскировочное поле, которое окружает меня на ярком свете, не пропускает наружу инфракрасное излучение моего тела. Узловикам останется лишь перегородить Живописный с обеих концов, но и это им вряд ли поможет. В таком случае я слезу по самому пилону на любое из двух его оснований и задам стрекача или обратно в Крылатское, или, на худой конец, в Серебряный бор; ненавижу это место, но, коли нужда подопрет, стисну зубы и побегу туда как миленький.

Прыгуны наступали мне за пятки и, уподобившись охотничьим псам, были раззадорены погоней. Я понимал, что они сейчас чувствуют, – сам порой, преследуя врагов, увлекался и забывал обо всем на свете, даже об осторожности. Однако у этих двоих азарт все-таки не застил рассудок. Вместо того чтобы палить по мне, мелькающему в вышине, из автоматов, узловики поступили практичнее: решили отстрелить трос, по которому я карабкался.

Я понял это, когда он завибрировал подо мной от ударов бьющих в него пуль. «ИПП» – это, конечно, не импульсная картечница «мегера», которая перешибла бы ванту с одного выстрела. Но при скорострельности «штормов» у меня все равно было очень мало времени на поиск спасительного решения. Двигаясь вверх со скоростью бегущего трусцой человека, я проделал лишь две трети пути и понял, что трос лопнет раньше, чем я доберусь до арки. Пришлось поспешно перепрыгивать на соседний, который располагался тремя метрами левее и был прицеплен к пилоны под более крутым углом.

Внизу также находилась одна из вант, более пологая. Соскочить на нее было бы куда проще, но я вовремя смекнул, чем это для меня опасно. И не ошибся. Отстреленный узловиками трос лопнул и, срывая с себя кожух, стеганул по мосту гигантской плетью. И первым делом ее могучий удар пришелся по ванте, идущей прямо под ней. Той самой, на которую я благоразумно остерегся прыгать. Она также разорвалась, издав хлесткий металлический щелчок, похожий на выстрел моего револьвера. Правда, ей, натянутой гораздо слабее, не удалось продолжить начатую было череду обрывов, но и те, что уже случились, изрядно усложнили мне жизнь.

От двух лопнувших подряд многотонных тросов арка заходила ходуном. Ее колебания тут же передались остальным вантам, и я был вынужден приостановить подъем, дабы не свалиться на мост. Обняв руками и ногами толстый кожух, я оседлал его, стуча зубами в такт вибрации, сотрясавшей мой и без того неустойчивый путь.

Подстрелить меня в этой неподвижной позе было значительно проще, но рыцарей сейчас беспокоило иное. Сами того не желая, они очутились под опасно колеблющейся, покосившейся машиной и потому решили отступить от нее подальше, дабы их не прибило обрывками болтающихся тросов. Или не придавило пилоном, если тот вдруг вздумает рухнуть.

Когда болтанка малость утихла и я вновь смог удерживать равновесие на своей «лиане», на Живописном находились уже не двое, а все пятеро охотников. Раздумывать, каким способом Ипат и остальные враги взобрались на мост – с помощью армейских штурмовых лебедок или по приделанной к одной из мостовых опор лестнице, – было некогда. Также некогда было гадать и о судьбе Жорика. Пока узловики боялись приближаться к качающейся арке, я воспользовался моментом и, цепляясь покрепче за трос, покарабкался дальше.

Я не боялся лазать по верхотуре – как-никак, за плечами летное училище и пятилетний стаж пилота боевого вертолета. Но теперь, когда ванта подо мной вибрировала и грозила в любой миг оборваться, изгнать страх одним лишь усилием воли не получалось. Пожалуй, впервые за долгое время я ощутил изрядно подзабытую боязнь высоты. Она выбралась на поверхность из-под груды других накопившихся у меня в душе страхов, и на минуту полностью затмила их.

На вершине пилоны завывал холодный ветер, но меня все равно бросило в пот, а по конечностям растеклась предательская слабость. Дьявол, не хватало еще, чтобы у меня подкосились ноги и я сверзился на мост со стометровой высоты! Какая откровенно бесславная смерть ждет в таком случае Алмазного Мангуста! Даже скоростижно умерший от малярии великий завоеватель Александр Македонский и тот небось так не огорчился в свои предсмертные минуты, как огорчусь я, падая вниз, прямо к ногам своих врагов. Иными словами, опозорюсь на всю Зону да вдобавок фактически преподнесу узловикам свои бриллианты на блюдечке.

Нет уж, не бывать этому! По крайней мере, не здесь и не сейчас! Кто он такой, скажите на милость, этот Ипат, чтобы получить от меня на халяву столь щедрый подарок?

Воистину, жадность может не только погубить, но и спасти! Вот вам, господа моралисты всех времен и народов, наглядный тому пример! Стоило лишь мне подумать о том, что какая-то мразь, посмеиваясь, вырежет из моего мертвого тела алмазы, как я вновь исполнился решимости и, собравшись с духом, рывком преодолел отделявшее меня от пилона расстояние. После чего спрыгнул с троса на сооруженную внутри арочного каркаса лестницу и, усевшись на ступеньку, наконец-то позволил себе передышку.

Не думал, однако, что сегодняшний денек выдастся таким суетливым. И, что хуже всего, основная суета и беготня мне еще только предстояла...

Глава 3

Путь, который я с таким трудом преодолел, вывел меня почти на самый верх возвышающейся над рекой «подковы». Под ее сводом еще сохранилась смотровая площадка-ресторан. Она напоминала по форме лежащий горизонтально овальный медальон примерно тридцатиметровой длины. Или, с учетом его габаритов, – залетевший под арку НЛО. Ширина и высота у него были соответственно порядка двадцати и десяти метров.

Войти в бывший ресторан можно было по неширокому крытому мосту. Точно такие же мост и лестница имелись на второй половине пилона, легкий крен которого к западу отразился и на смотровой площадке. Лишенная половины стекол, она тем не менее все еще уверенно висела на четырех массивных креплениях и, судя по всему, должна была рухнуть только вместе с аркой, не раньше.

Я глянул с высоты на противников и вновь устремил взор к небу. Нет, узловики определенно взберутся на пилон раньше, чем я увижу солнце. Досадно. Но, с другой стороны, здесь, в поднебесье, палить по мне напропалую из «карташей» и «штормов» они не станут. Все очень просто: арка Живописного – это решетчатая конструкция, собранная из мощных металлических узлов. Прострелить такое толстое железо насквозь выпущенная из «ИПП» пуля может, лишь угодив в препятствие по перпендикулярной траектории. Отсюда следует, что каждый сделанный внутри «подковного» каркаса выстрел будет чреват каскадом рикошетов. Но кто из моих врагов станет сейчас заниматься дотошными расчетами траекторий своих выстрелов? Ясен пень, никто, даже присутствуя среди них лауреаты Нобелевской премии по математике. Впрочем, у Ипата и компании имелось при себе не только импульсное оружие, так что радоваться пока было рано.

Что ж, братья-рыцари, посмотрим, чем вы теперь меня удивите.

Преодолев оставшиеся до перехода на смотровую площадку лестничные пролеты, я затем пересек и его. Бежал, не скрываясь: пусть враги видят, куда я намылился. Да и где еще здесь скроешься, не будучи невидимкой?

Внутри НЛО-образного ресторана царили привычные разруха и запустение. Я был отнюдь не первым его посетителем после Катастрофы, а предыдущие визитеры, как было заметно, покуражились тут на славу. Хотя, может быть, я напрасно ставлю им в вину этот разгром. Не исключено, что им тоже пришлось держать на арке оборону от врагов. Но не от биомехов, это точно. Монстры подвергли бы ресторан куда большим разрушениям, если вообще не разнесли бы его вдребезги.

Мне позарез нужно было солнце, и потому я не стал задерживаться на смотровой площадке, которую закрывала тень арочного свода. Выбравшись – на сей раз незаметно, поскольку внутри «капсулы» я перестал быть виден снизу, – через один из проломов сначала на крышу ресторана, а с нее – снова на «подкову», я очутился на самой ее вершине. Все, баста, выше мне уже не подняться. Ну и ладно – и так вскарабкался черт знает куда. Самое время начинать задумываться, как отсюда слезать.

Дабы не попасться на глаза узловикам, я улегся животом на одну из толстых каркасных перемычек и стал аккуратно наблюдать за маневрами противника. А рыцари, зная о моей излюбленной тактике, решили не дожидаться, когда над Живописным засверкает солнце, и тотчас приступили к штурму арки. Настолько стремительному, что поначалу я даже оторопел. Думая, что у меня есть еще две-три минуты на передышку, я жестоко просчитался: на то, чтобы подготовиться ко второму раунду схватки, мне отводилось не более тридцати секунд...

Первостепенной угрозой опять стали прыгуны. Не отважившись гнаться за мной по вантам, они тем не менее нашли свой способ быстрого восхождения на пилон. Не по лестницам, нет. По ним – тесным, извилистым и крутым – легкие на подъем рыцари взбирались бы нена-

много быстрее своих нелетающих собратьев. Перво-наперво носители «Джамперов» соскочили с моста к арочным основаниям: один – к южному, другой – к северному. А затем, снова взявшись за свои сплит-артефакты, оба узловика ринулись вверх прямо по крутым опорам, ловко перепрыгивая с перемычки на перемычку.

Лихость, с какой мои противники начали штурм, была не чета той, с которой карабкался на «подкову» я. Прыгуны не лезли на нее – они буквально бежали к вершине, словно соревнуясь между собой, кто быстрее преодолеет крутой подъем. Их усиленного «Джампером» шага хватало, чтобы легко перемахивать с распорки на распорку. Потом – короткая пауза для подзарядки артефакта, а дальше все по-новому.

Неудивительно, что в первые секунды вражеской атаки я оторопел. Но растерянность всегда была мне отвратительным советчиком, поэтому пришлось отринуть ее и спешно призвать на подмогу смекалку. В компании этой подруги мне обычно сопутствовало везение. Жаль только, она не всегда откликалась на мои призывы о помощи.

Пока я отчаянно размышлял, как противостоять прыгунам, их менее проворные приятели также не сидели сложа руки. Двое рыцарей двинули вслед за авангардом по обычным лестницам, а один остался внизу – на случай, если мне таки повезет просочиться или прорваться с пилона обратно на мост. Прикрывающий соратников узловик расположился точно под аркой, готовясь перехватить меня, независимо от того, с какой стороны я буду спускаться. В руках у него был лазерный армган – вполне подходящая винтовка для такого огневого прикрытия.

А проклятое облако, заслонившее мое вожделенное солнце, как будто застыло на месте и ни туда ни сюда! Пока я устраивал ловушку на Жорика, погода мне всячески благоволила, хотя изловить того идиота можно было и не прибегая к маскировке. Теперь же, когда невидимость была мне жизненно необходима, я торчал на вершине арки, обложенный со всех сторон охотниками, а солнце даже на полминуты не желало явить мне свою милость. Ирония судьбы? Какое там – наглая, вероломная подстава, иначе не скажешь!

– Вот, значит, как ты со мной, да?! Ну хорошо! – процедил я сквозь зубы, пеня на светило. – Ладно, без тебя справлюсь! Подумаешь, пять рыцарей! Тоже мне проблема! Смотри и учись!

И, сдернув с плеча трос, юркнул в хитросплетение решетчатого каркаса. То, что прыгуны еще меня не засекли, оставалось моим единственным преимуществом.

Чтобы его сохранить, мне следовало как можно дольше скрываться, а стало быть, палить из револьвера сейчас нельзя. Чем выше подбирались прыгуны к вершине дугообразного пилона, тем положе становился их путь. Теперь, чтобы удержаться на нем во время пауз, они были вынуждены приседать и хвататься за перемычки, в то время как поначалу могли просто опираться о них.

Перемещаясь от распорки к распорке, я крался навстречу тому узловику, что поднимался по южной опоре, и должен был столкнуться с ним на крыше идущего к ресторану моста. Я знал, что враг не пропустит столь удобный плацдарм для очередного прыжка. Тут-то мы с ним и выясним, кто настоящий царь этой горы. И сделать это надо так, чтобы никто из нас не упал вниз. Я – по вполне очевидной причине, а узловик – чтобы не растревожить преждевременно соратников.

Краска с пилона давно облупилась. Покрытый пылью и ржавчиной, теперь он был почти под цвет моему потертому, замызганному комбезу. Припав к толстой перемычке, что пролегла аккуратно над ресторанным мостом, я дождался, когда ботинки рыцаря коснутся крыши, и набросился на него, пока он не обрел равновесие. Враг и опомниться не успел, как сверху ему на шею была брошена стальная петля. Другой конец троса я пропустил через распорку и, намотав его на руку, тоже спрыгнул на крышу.

Качнувшись на тросе подобно летящему на лиане Тарзану – только без его знаменитого вопля, – я с раскачки саданул пойманному за шею узловику ногами в грудь. Сорвавшись с

крыши, он повис в затянувшейся петле и, будучи гораздо тяжелее, чем я, потащил меня на тросе вверх, обратно к распорке. Так, как я, в принципе, и рассчитывал.

По-быстрому зацепив за нее трос, я, однако, не собирался ждать, когда висельник умрет от удушья. Он еще мог запросто спастись, поймав ногами одну из распорок и встав на нее. Дабы мои старания не пропали зря, я не мешкая перескочил на натянутый под весом вражеского тела трос и стремительно скатился по нему до самого конца. Вернее, до дрыгающего ногами, хрипящего от удушья противника. После чего без лишних церемоний двинул ему сначала каблуком по шлему, а затем повис на ошарашенном узловике всей своей массой, помогая тем самым удавке поскорее доделать ее грязную работу.

Дернувшись в последний раз, рыцарь обмяк и мешком повис всего в шаге от спасительной для него перемычки. Перепрыгнув на нее, я поскорее затянул туда же свою жертву, чтобы она не привлекла к себе внимание прочих врагов. Вынув мертвеца из петли, я оставил его лежать поперек распорки, а сам добрался до лестницы и побежал обратно отцеплять трос. Бросать его было для меня все равно что лишиться одной из конечностей. Снимать с прыгуна его драгоценный сплит-артефакт тоже не стал. Будучи надетым на меня, он гарантированно выйдет из строя в течение считанных минут. И когда я донесу свой трофей до ближайшего барыги, это будет уже не «Джампер», а самый обычный пояс, годный лишь для ношения подсумков и поддержания штанов.

Завывание ветра и дребезжание под его порывами арки заглушили звуки нашей схватки с узловиком. Вернув себе трос, я задрал голову, дабы разглядеть сквозь просветы в каркасе второго прыгуна. По всем расчетам, сейчас он должен был достичь вершины пилона.

Так и оказалось – охотник уже был там. Не обнаружив наверху никого, он торчал точно над рестораном и высматривал меня через дыры в его стеклянной крыше. Опоздание напарника пока не тревожило верхолаза – короткая заминка при таком восхождении вполне простибельна, – но это наверняка вот-вот произойдет. И мне кровь из носу нужно воспользоваться моментом, пока враг не всполошится и не станет искать меня в другом месте.

Ага, значит, прежде чем соваться на площадку, прыгун хочет дожидаться своего напарника! Прекрасно! Им-то я и стану. Ненадолго – ровно до того мгновения, как следящий за рестораном узловик повернет голову и убедится, что спешащий к нему человек – вовсе не тот, которого он надеется лицезреть.

Что ж, самое время доставать «кольт». Я и не рассчитывал, что мне удастся приблизиться к противнику вплотную и прикончить его исподтишка ножом или удавкой. Это ведь не глупый разиня Жорик, а матерый убийца с отменным чутьем и реакцией. Моя задача-минимум: успеть сократить с ним дистанцию настолько, чтобы уложить его наповал первым же выстрелом. Я и стоя на ровной земле поганю стреляю, а на бегу, да еще балансируя над пропастью, палить по цели для меня – серьезное испытание. Но ценой меньшего риска с этим гадом не разобраться. На подходе к площадке находятся еще двое узловиков, и, если все они объединят усилия, мне с ними подавно не совладать.

Бежать вприпрыжку по толстым перемычкам несложно. При моей сноровке я могу делать это, даже не глядя под ноги. Схватив «анаконду» на изготовку обеими руками, я выскочил из переплетений каркаса и помчался к торчащему на вершине «подковы» рыцарю. Присев на корточки, чтобы случайный порыв ветра не сбил его с ног, он держал «шторм» нацеленным на ресторан и наверняка засек меня боковым зрением, едва я прекратил маскироваться. Засек и...

И в следующий же миг обернулся!

Весь мой блеф моментально пошел коту под хвост. А я до последней секунды надеялся, что успею сократить дистанцию между нами хотя бы наполовину! Хотя бы на треть, Атомный Демон его побери! Но чтобы это случилось вот так сразу... Проклятая интуиция, а ведь я ей сегодня так доверял!

Отступать и прятаться было поздно, и я открыл огонь, не успев узловик еще как следует ко мне приглядеться. Даже несмотря на то, что моя мишень стояла практически неподвижно, поймать ее на мушку оказалось той еще морокой. Я спускал курок методично, но не слишком часто. Мне требовалось приберечь в барабане пару патронов на тот случай, если удастся подбежать к противнику на расстояние, с которого я гарантированно не промахнусь. Конечно, при наличии везения я мог попасть в цель и сейчас, вот только где оно, это долбаное везение? В Зоне схватить его за жабры было еще труднее, чем подстрелить заметившего меня прыгуна.

И все же небольшая удача мне в тот момент благоволила, а иначе кто бы рассказывал вам сейчас эту историю? Из четырех выпущенных мной на скаку пуль ни одна не угодила в рыцаря, но истрачены они были не напрасно. Сталкера, предпочитающего воевать импульсным оружием и редко связывающегося с огнестрельным, всегда с непривычки шокирует грохот пороховых патронов. И особенно таких патронов, как «магнум.44». А учитывая, что ствол моего «кольта» смотрел сейчас в сторону врага, тот и вовсе не мог остаться равнодушным к выстрелам и свисту проносящихся мимо него пуль.

Узловик вздрогнул и, наверняка удивившись, что еще жив, решил не искушать фортуны, стоя на пути у летящего свинца. Прежде чем выпустить ответную очередь, враг стукнул «Фричем» по поясной пряжке и взмыл вверх – первый пришедший ему на ум способ, как быстро уйти с линии огня. Я же, наоборот, не мешкая метнулся вниз, на ресторанную крышу, поскольку лишь арочный свод мог защитить меня от пуль «карташа».

Противник огрызнулся лишь короткой очередью, поскольку был вынужден поспешно сконцентрироваться на посадке, дабы не промахнуться ногами мимо перемычки. Так как он палил навскидку и в прыжке, а я вовремя улизнул из-под обстрела, все выпущенные по мне пули пронеслись выше и хаотично заметались по каркасу, как песчинки внутри погремушки. Две пули разбили в ресторане рикошетом несколько уцелевших стекол, остальные продырявили крышу ведущего к нему моста. Отстреливаясь, прыгун рисковал, ведь сейчас по лестницам подымались его товарищи, а внизу дежурил прикрывающий. Но, поскольку я находился совсем близко, попытка разделаться со мной стоила этого риска.

Когда же «Джампер» опустил рыцаря на пилон, расстояние между нами составляло считанные метры. Я лежал на крыше площадки, а враг находился надо мной, видел меня сквозь проемы в арке и готовился снова открыть по мне огонь. Но сначала узловику нужно было твердо встать после прыжка на ноги, что, естественно, требовало некоторого времени. Секунду-другую, но тем не менее.

А вот передо мной такой проблемы не стояло. Спрыгнув на крышу, я тут же перекатился на спину и, вскинув револьвер, занял удобное положение для стрельбы. В барабане «кольта» оставалось всего два патрона, и, дабы опять не оплошать, я загодя взвел курок, на что прежде в суматохе у меня не хватало времени. Ну а взять на мушку балансирующего на перемычке человека было всего-навсего делом техники.

Получай!

Не успев обрести равновесие, рыцарь схлопотал пулю в бедро, что отнюдь не улучшило его устойчивость. Взмахнув руками, подкошенный противник упал на распорку, но не удержался на ней и сорвался вниз. А потом грохнулся рядом со мной на крышу, стукнувшись обо все подвернувшиеся ему в падении перемычки. Черт его знает, как он не выронил «карташ», но, когда ослепленный болью прыгун упал, его рука продолжала крепко сжимать оружие.

Впрочем, узловика это уже не спасло. Я приставил револьвер к голове врага раньше, чем тот пришел в себя. И без колебаний нажал на спусковой крючок, истратив последний оставшийся в барабане патрон. С каким успехом, думаю, можно не уточнять. С такого расстояния я не промахнулся бы, даже будучи тяжело контуженным или вусмерть пьяным...

Перезаряжать оружие некогда – пора возвращаться на вершину арки. Я торопился, как наскипидаренный, но лез обратно в приподнятом настроении. И не только потому, что вывел

из игры двух самых опасных противников. Вторым поводом для моей радости было солнце. Оно уверенно подползло к краю скрывающей его тучи, обещая вот-вот явить себя мне во всем своем великолепии. И пускай вслед за уходящим облаком на Курчатник надвигалось новое, такое же большое, промежутки между ними даровал мне примерно четверть часа до того, как я опять стану видимым.

Четверть часа! Да за это время я при необходимости добегу аж до «тамбура» – входа в гиперпространственный тоннель; он располагался тремя километрами северо-восточнее Живописного моста, в институте имени Курчатова. Надо лишь не зевать и, как только вокруг меня образуются маскировочное поле, проваливать отсюда к чертовой матери.

Ну, наконец-то! Вот и он, мой долгожданный небесный покровитель! Успел-таки вступить за меня до того, как я сцепился бы с бегущими по лестнице рыцарями. А они, как и их павшие товарищи, также решили скоординировать атаку и проникнуть в ресторан одновременно по двум ведущим к нему мостам.

Штурмовик, который поднимался по южной опоре, не мог не заметить лежащее на перемычке тело задушенного собрата. Равно как и умолкший «шторм» второго прыгуна красноречиво свидетельствовал, чем закончилась наша с ним «встреча в верхах». Лишенным «Джамперов» узловикам следовало вести себя на порядок осмотрительнее.

Теперь их целью был не только я, но и сплит-артефакты, бросать которые здесь бойцы Ипата явно не намеревались. В отличие от прыгунов, они уповали не на стремительный наскок, а на осторожность. Но, даже ворвись они на площадку как ошалелые, с матом и криками, результат их штурма все равно был бы нулевым.

И все потому, что меня на арке уже не было. Перекинув трос через самую длинную из восточных вант, я, озаренный солнцем, скользил по ней вниз, на другую половину моста.

Все могло бы сложиться просто идеально, не издавая трос при скольжении громкий, противный скрежет. Его и расслышал стерегущий меня внизу узловик – как выяснилось, это был сам Ипат. По звуку он также легко определил, куда и каким способом я решил удрать с арки. Единственное, что мнеотехник не сумел вычислить, это по какой именно ванте я качусь. И потому, не мудрствуя лукаво, он принялся палить из армгана широким веером, стараясь накрыть смертоносными лучами мост по всей его ширине.

Ловко придумал, сучий потрох! Пережечь таким образом толстые тросы он не мог. Мечущийся туда-сюда ритмичными всполохами луч попросту не задерживался на вантах, а лишь оставлял у них на кожухах неглубокие ожоги. Но это металл! Пройдись же лазер по мне, и он или мгновенно разрежет меня пополам, или оставит в спине такую рану, что я издохну спустя минуту в муках с прожаренными внутренностями.

Скатываться до самого низа было крайне опасно. Ипат быстро сообразил, что вероятность поразить невидимую жертву при ее соскоке с троса куда выше, чем при беспорядочном обстреле. После чего поспешно перенес огонь на вантовые крепления, решив прикончить меня, так сказать, влет.

Я понял, что мне грозит, когда съехал до половины спуска. Как чуял, что надо выбирать самый пологий путь, хотя поначалу хотел удрать с пилона по более крутому и скоростному. Разгонись я сильнее, и мне ни за что не удалось бы затормозить и выгадать момент для преждевременного соскока. Стянув изо всех сил, словно удавку, перекинутый через ванту трос, я затруднил его скольжение, а вдобавок поджал ноги и обхватил кожух бедрами. Прочный комбез не разорвался, но трение обожгло мне ляжки так, что я едва не заорал от боли. Такое впечатление, будто сейчас я катился не по ванте, а по горячему паропроводу!

Скрежет металла о металл усилился, однако Ипат этого уже не расслышал. Он был поглощен стрельбой и надеялся, что я вот-вот попаду под его луч. Этого ублюдка, поди, прямо распирало от нетерпения узнать, станет ли Алмазный Мангуст видимым после того, как его распластает боевой лазер. Я, разумеется, не намеревался потакать любопытству Ипата и участвовать

в его антигуманном эксперименте. И пусть экстренная остановка прошла весьма болезненно, я сумел-таки прекратить скольжение до того, как угодил в простреливаемое армганом пространство.

До земли примерно пятнадцать метров, а внизу рассекает воздух убийственный луч. Вот ведь нескладуха: не успел заручиться поддержкой солнца, как опять угодил между молотом и наковальней! Ну тут уже деваться некуда. Не услышав мой предсмертный вопль, узловик смекнет, что мне удалось затормозить, и примется бить лазером выше, пока не срежет меня с козуха, как садовник – яблоко с ветки. И «кольт» так некстати полностью разряжен! А то вынул бы его и, повиснув на одних ногах, снес бы рыцарю башку до того, как он меня поджарит. Но увы...

Ладно, хватит сокрушаться о том, что не сделано. Нужно срочно отринуть сомнения и – вниз! Не мешкая!..

Я отцепился от ванты, когда луч сверкал аккурат подо мной. Расчет был прост: пока лазер дойдет до границы сектора обстрела и опять вернется на середину, я успею спрыгнуть и распластаться на мосту. А затем откачусь к ограждению, по-быстрому заряджу в револьвер пару патронов и всажу Ипату пулю с расстояния в полста шагов. Или даже с меньшего. Враг не стоял столбом, а стрелял на ходу, уверенно приближаясь к месту моего приземления.

Оно оказалось весьма чувствительным, пускай прежде мне и доводилось прыгать с подобной высоты. Асфальт был растрескавшимся, но, слава богу, все еще ровным. Находишь внизу обломки или, того хуже, – арматура, я так легко не отделался бы.

Очутившись на ногах, я, как и планировал, моментально плюхнулся ничком. Лазер прошел в опасной близости надо мной, и, стой я сейчас в полный рост, луч угодил бы мне точно в промежность. Но едва я собрался перекатиться к северному ограждению моста, как Ипат изменил свою тактику. Очевидно, что-то почуяв, он взялся стрелять именно туда, где я рассчитывал затаиться. Плавя дорожное покрытие, пульсирующий луч резанул точно по намеченному маршруту моего отступления.

Пришлось и мне поспешно менять стратегию и катиться боком прямо навстречу размазывающему армганом мнемотехнику. Опасаясь, как бы он не взялся методично прожаривать каждый метр асфальта, я нарочно переместился ближе к стрелку. Шагай он и дальше в таком темпе, спустя четверть минуты ему придется на меня наткнуться. Впрочем, дожидаться этого я не хотел. Убедившись, что лазер не следует за мной, а снова мечется по вантам, я выхватил револьвер из кобуры и полез в поясной патронташ за боеприпасами.

Пара патронов, больше мне не нужно. Если я не уложу Ипата с двух выстрелов, он определит, откуда они грохочут, и мгновенно вплавит меня в асфальт.

Зарядить револьвер... То, что в спокойной обстановке я проделываю не задумываясь, даже с закрытыми глазами, сейчас отнимает у меня столько усилий, сколько я трачу на извлечение из пальца неподатливой занозы. Вынуть патроны, открыть револьверный барабан, извлечь гильзы, вставить патроны, вернуть барабан на место, взвести курок и прицелиться... Элементарные действия. Но каждое из них, как назло, начинают сопровождать непредвиденные трудности.

Патроны, что доселе вставлялись в патронташ без проблем, вдруг застревают в ячейках, и мне приходится повозиться, чтобы извлечь их оттуда. Стреляные гильзы будто с ними сговорились, тоже заклинивают в барабане. Благо хоть не до конца. После повторного, более сильного толчка эжектор все же срабатывает и выбрасывает гильзы из барабана, но эта заминка опять отнимает у меня бесценные мгновения.

Зарядить – уже плевое дело, но после возни с патронташем и эжектором пальцы мои дрожат и вставляют патроны в камеры лишь с третьего раза. У меня остаются считанные секунды на то, чтобы закрыть барабан и прицелиться. А стрелять опять придется без предварительного

взвода курка. Хотя сейчас это неважно – Ипат находится всего в десяти шагах от меня и продолжает неумолимо приближаться...

Не трата времени на то, чтобы уползти с дороги мнемотехника, я начинаю наводить на него револьвер, и в этот момент позади врага, на фоне уходящей на запад тучи стремительно вырастает огромная тень. А затем до меня доносится раскатистый, с подсвистом рев. Слишком характерный и механический, чтобы не определить, чья железная глотка его издала. И слишком грозный, чтобы его не испугаться, даже находясь под обстрелом.

Этот рев расслышал и Ипат. Я еще не взял его на прицел, когда он, прекратив стрельбу, резко обернулся и, отшатнувшись, бросился к ограждению. Стрелять в него я уже не стал. Но не потому, что пощадил мерзавца, нет. Когда стало очевидно, что за тварь нарисовалась на западном краю моста – а вернее, над ним, – я решил, что будет слишком глупо убивать единственного человека, который способен задержать несущегося прямо на нас дракона. Биомеха, который когда-то представлял собой боевой вертолет, а ныне мутировал в одну из самых жутких здешних тварей.

О том, что, обуздав монстра, Ипат как пить дать попытается его на меня натравить, я сейчас не беспокоился. Даже такому сильному мнемотехнику потребуется не одна минута, чтобы полностью подчинить себе дракона. И пока между ними будет идти этот, скажем так, ментальный поединок, я удеру отсюда и спрячусь. Забыюсь в такую щель, что меня в ней не то что дракон – и стая пронырливых мозгоклеюев не отыщет.

А это еще что за чудеса?!

Само по себе появление летающего биомеха не стало для меня сюрпризом. Я ведь потому и прибыл в Московскую локацию, чтобы понаблюдать за находящимся в Серебряном Бору «драконьим базаром». Замеченное мной сейчас «чудо» представляло собой бегущего во весь опор по мосту человека, за которым, судя по всему, и гналась разъяренная «вертушка»-мутант.

Время разлеживаться кончилось, и я вскочил на ноги, по-прежнему оставаясь невидимым для узловиков. Бегущий к нам человек – неуклюжий увалень в орденских доспехах – орал без умолку. Что именно – не удавалось пока разобрать из-за рева и свиста вертолетных лопастей. Кто был этим потенциальным драконьим обедом, думаю, вы уже догадались. Но вот какого рожна Дюймовому не сиделось в своем укрытии – решительно непонятно.

Жорик, не обнаруженный Ипатом, дракону был бы и вовсе не заметен с высоты. И тем не менее он каким-то образом очутился здесь да еще привел за собой нештучных размеров «хвост». А хотя что тут удивительного? Нечаянно обратив на себя внимание биомеха, безоружный недотепа не придумал ничего лучше, как броситься за подмогой к мнемотехнику. И впрямь, разве можно отказать в помощи беглецу, когда несущаяся за ним тварь грозит растерзать не только его, но и вас?

– Вот идиот проклятый! – воскликнул мнемотехник, имея в виду, разумеется, коварного неофита, а не дракона. Я невольно отметил, что наши с Ипатом мнения касательно умственных способностей Жорика практически совпадают. – И навязали же тебя на мою голову! Ну ничего, теперь-то ты наверняка издохнешь!

И, вскинув армган, навел его на вбежавшего под арку Дюймового.

– Но-но, полегче! – возмутился я, подскочив к Ипату, а затем сбил его подножкой на асфальт, наступил ботинком на притороченный к руке рыцаря излучатель и, отстегнув батарею, швырнул ее в реку. После чего в назидание добавил: – Не смей обижать юродивого! Лучше я сам с ним разделаюсь, а ты пока поиграй с драконом!

– Мангуст! – гневно прорычал Ипат, косясь, однако, не на меня, а на приближающийся «вертолет». Хотя куда еще мог таращиться враг, если я все равно был ему не виден. – Ладно, беги – повезло тебе сегодня! Но учти: скоро мы опять встретимся! Очень скоро!

– Спасибо за предупреждение. Обязательно учту, – не стал спорить я, отпуская мнемотехника, которому было самое время браться за дрессировку монстра.

Боясь опоздать, дрессировщик тут же забыл обо мне, поднялся на ноги и, не оглядываясь, побежал навстречу Жорику. Тот шархнул от Ипата, как тореадор от быка, но, сообразив, что мнемотехнику сейчас не до него, проводил «брата» злобным взглядом, а потом снова закричал.

На сей раз я его расслышал. А расслышав, удивился, потому что Дюймовый не просто голосил от страха, а зывал ко мне.

– Бегите, Геннадий Валерьевич! – надрывал глотку брат Георгий, размахивая на бегу руками и озираясь по сторонам. – Бегите отсюда! Это я – Жорик! Я пришел, чтобы спасти вас, Геннадий Валерьевич!..

– Хорош орать, дурень! – Я выскочил сталкеру наперерез и остановил его, ухватив за плечо. – Я здесь! Да не дергайся ты!

– Генна-а-а-а... а-а-а, это вы! – перепугался, но в следующее мгновение обрадовался недотепа, глядя сквозь невидимого меня. – А я это... как раз к вам спешил! Выглянул из ямы, гляжу: вас над рекой крепко прессуют! Вот и подумал, что надо срочно бежать к вам на подмогу.

– Ладно, заткнись и чеши что есть духу на тот край моста! – прервал я его сбивчивые оправдания. Нет, вы это слышали: он ко мне на подмогу! А ведь не врет простофиля. Стал бы он иначе вообще разыскивать меня на мосту? – Я впереди побегу, так что зазря не оглядывайся. Если отстанешь, буду ждать тебя у памятника, на бывшем трамвайном кольце! Готов?.. Тогда пошел!

Вмиг приободрившийся Жорик – кажется, он и не чаял встретить меня живым – припустил в указанном направлении. Я бросил прощальный взгляд на арку и рванул за своим «спасителем». Торчащих на смотровой площадке узловиков теперь можно не опасаться. Все их внимание наверняка приковано к приближающемуся дракону, который уже маячил рядом с аркой, едва не задевая ее винтами. Я не видел верхолазов, но полагал, что они попрятались в ужасе кто куда и просидят в укрытиях до той минуты, пока Ипат окончательно не разберется с нагрянувшей к нам тварью.

А он стоял сейчас посреди Живописного моста и, вытянув перед собой ладони с растопыренными пальцами, был всецело поглощен своей мнемотехнической «магией», направленной на обуздание монстра. Периодически тело Ипата сводила кратковременная, но сильная судорога. Он то резко прогибался в пояснице, то его мотало из стороны в сторону, то начинало корезить, словно больного артритом. Лицо рыцаря было перекошено от боли, глаза закатились, а вены на шее вздулись. Происходи это с ним не трехсекундными приступами, а беспрерывно, можно было подумать, что он исполняет какой-то безумный шаманский танец.

В действительности все объяснялось гораздо проще. Мучения, терзавшие сталкер-мнемотехников во время «дрессировки» техноса, вызывались имплантатами, вживленными им в мозг и обожженными затем во время многочисленных гиперпространственных переходов. Дикие боли и судороги – такова плата укротителя биомехов за обладание этой уникальной способностью. И чем могущественнее он был, тем сильнее страдал, когда вступал в противостояние со здешними тварями. Вот почему энергиков вроде Жорика в Зоне было пруд пруди, а мнемотехников – особенно таких, как Ипат, – насчитывались единицы. И немудрено. Далеко не каждому сталкеру хотелось одерживать победы над монстрами путем столь жутких самоистязаний.

То, что дело у Ипата мало-помалу продвигалось, было понятно по поведению дракона. Подлетев к арке, он угодил под воздействие мнемотехника и теперь завис над мостом, ведя напряженный ментальный поединок с выступившим против него человеком. В противном случае биомех разделался бы сначала с Ипатом, потом нашел и перебил бы его попрятавшихся соратников, а напоследок настиг бы нас с Дюймовым. И если я еще имел возможность остаться для дракона незамеченным, Георгию при таком раскладе не светило ничего хорошего. Удивительно, как при своей неуклюжести он вообще успел допрыгать до арки!

Впрочем, об этом я расспрошу его позже. А сейчас все, что мне требуется, это бежать. Стремительно и без оглядки. Ведь только так можно спастись от драконов ценой минимальных потерь либо вовсе избежать их.

Именно так всегда и поступает Алмазный Мангуст, когда ему выпадает малейший повод улизнуть от врагов незамеченным. Разве что прежде мне не доводилось делать это в компании идиота, но, надеюсь, скоро я от него все-таки отвяжусь. Потому что иначе мне придется его прикончить. Чем я ему, кажется, уже пригрозил. А он меня не послушался. М-да...

Плохо кончит этот увалень, попомните мое слово! Если человек – идиот, это уже пожизненный приговор, а храбрый идиот – все равно что обезьяна с гранатой. Или того хуже – бешеная обезьяна с канистрой нитроглицерина. Такие долго не живут ни за внешней стороной Барьера, ни тем паче здесь. И то, что сегодня я проявил к Жорику милосердие, ни о чем не говорит. Я лишь отсрочил ему смерть, и только. И еще преподавал урок, который он не усвоил. А я, в свою очередь, не усвоил урок, который Дюймовый, сам того не ведая, преподавал мне.

«Не связывайся с идиотами!» – таким было пропущенное мной мимо ушей назидание. И раз уж сам я пренебрег им, так, может быть, вы сделаете на моем примере правильные выводы и когда-нибудь скажете мне спасибо.

Дай только бог, чтоб не посмертное...

Глава 4

Шестью годами ранее

Было заметно, что командиру нашей эскадрильи, подполковнику Сафронову не хочется отправлять меня на это задание. И мрачный тон, каким Дмитрий Михайлович сообщил, что доведенный до меня приказ исходит ни много ни мало от самого главкома ВВС России, лишний раз подтверждал: гордиться оказанной мне честью – все равно что радоваться золотой веревке на собственном повешении.

И тем не менее я гордился. Что ни говори, а приятно, когда тебя отбирают из огромного числа пилотов как самого лучшего. Для человека, который действительно любил свою работу – а я за пять лет службы ни разу не пожалел, что связал жизнь с боевой авиацией, – это и впрямь было великим достижением.

– Не впадите в заблуждение, лейтенант, и хорошенько зарубите себе на носу: это задание только на первый взгляд кажется простым, – подчеркнул подполковник, хотя по его суровому настроению я давно догадался, что работенка предстоит не сахар. – Отнеситесь к нему со всей серьезностью. Имейте в виду: группа «Альфа-12», которой командует капитан Баграмов, отбиралась по тому же принципу, что и вы. И раз генерал Шепетов затребовал себе команду самых высококлассных специалистов, значит, он не просто перестраховывается, а рассчитывает исключительно на успех. Так что не подведите ни его, ни меня, ни капитана Баграмова, чьи приказы вам предстоит выполнять за Барьером... Ах да, вы же еще не в курсе: так наши умники-ученые называли оболочки этих аномальных территорий, в глубь одной из которых вам предстоит проникнуть... Чертовы «пузыри»! Как будто у нас без них проблем нет!

Последние слова были произнесены Сафроновым вполголоса себе под нос и тоже свидетельствовали о многом. Если подполковник не сумел скрыть терзающее его беспокойство даже в официальной беседе с подчиненным, значит, он и впрямь сильно переживал. И за тех людей, что были отрезаны Катастрофой в районах, на которые она обрушилась, и за всех нас, кому предстояло по долгу службы прорываться в те труднодоступные края.

Сейчас Дмитрий Михайлович смотрел на меня так, будто чуял, что мы видимся с ним в последний раз. Да, он держался по-прежнему уверенно, говорил хоть и суровым, но твердым голосом, только меня подполковнику было не провести. Как и мне вряд ли удалось бы что-то от него скрыть. Мы были знакомы достаточно долго и могли замечать друг за другом любую перемену настроения, даже незначительную...

Разразившаяся три дня назад Катастрофа была объявлена глобальной уже через час после того, как телевидение пустило в эфир первые сводки о ней. А еще через час стало известно, что никто не в состоянии объяснить природу случившихся одновременно в России и Украине не то взрывов, не то ядовитых выбросов, не то вулканических извержений, не то еще какой смертоносной дряни. Впрочем, кое-что выяснилось сразу: один из очагов катаклизма вспыхнул в Чернобыле – пожалуй, самом щедром на подобные аномальные явления уголке планеты за последние шестьдесят лет. Выводы напрашивались сами собой, и были они крайне неутешительными.

Чернобыль, Крым, Новосибирск, Москва, Санкт-Петербург... Пронырливые журналисты быстро разнюхали, что эпицентрами прогремевших в них взрывов стали либо крупные научные институты, в которых велись активные исследования новых технологий и видов энергии, либо атомные электростанции. Последние являлись косвенным доказательством связи этих

аварий с чернобыльской. Хотя каким путем распространилась эта необъяснимая детонация, не могли пока сказать ничего конкретного даже самые выдающиеся ученые-энергетики планеты.

Учитывая размах Катастрофы и количество жертв – пока лишь предполагаемое, но уже повергающее в ужас, – во всей стране было введено чрезвычайное положение. Ситуацию усугубляло то, что ни люди, ни техника не могли пробиться через образовавшиеся вокруг аномалий барьеры-«пузыри». Под ними царила беспросветная муть. Ее порождали миллиарды тонн пыли, поднятой в воздух при выбросах и удерживаемой над пораженными территориями все теми же барьерами.

Поначалу их сочли полусферическими. Но когда спасательные команды не сумели прорваться в зоны бедствия даже по глубоким подземным коммуникациям, все сошлись на мнении, что на самом деле «пузыри» – это сферы, уровень гравитации внутри которых чудовищно высок. Однако чуть позже ученые внесли поправку: по всем признакам, гравитация ненормальна лишь в пределах оболочки сфер, а тремя-четырьмя километрами глубже она, возможно, нормализуется.

Но как такое вообще допустимо? Что скрывает пылевая завеса? Каким путем вывести оттуда пострадавших? И реально ли наладить связь с беспилотными аппаратами воздушного наблюдения, многие из которых – те, что летали в наибольшей удаленности от эпицентров взрывов, – теоретически имели шанс уцелеть?

Вопросы, ответы на которые могли быть найдены сегодня – спустя трое суток с момента образования дьявольских «пузырей». И мне предстояло принять непосредственное участие в раскрытии их тайны, какой бы шокирующей она ни была...

Помимо этих ужасных событий, вокруг них разыгралось еще немало бед. Землетрясения, что сопровождали пять синхронных выбросов, переполошили всю Европу и половину Азии. Питер, Новосибирск, Москва... Я бывал в этих городах, и у меня в голове не укладывалась мысль, что сегодня каждый из них почти на треть лежит в руинах. Чернобыль, полуостров Казантип... В тех местах я ни разу не был, но вряд ли спокойно глядел бы на них сегодня, доведись мне там очутиться. Даже в Саратове, где базировалась наша вертолетная эскадрилья, не обошлось без разрушений и человеческих жертв. Что же тогда говорить про города, находящиеся гораздо ближе к очагам невиданных доселе катаклизмов?

Я становился еще мрачнее, когда глядел на взволнованные лица жены и дочери. И пусть Аня в свои пять лет еще толком не понимала, что стряслось, она прекрасно чувствовала нашу обеспокоенность, поэтому постоянно капризничала и плакала.

А по телевизору нескончаемым потоком шли репортажи из мест трагических событий, один другого ужаснее. Эксперты, обязанные прояснить народу сложившуюся ситуацию, похоже, сами настолько запутались в своих догадках, что зачастую и вовсе несли с экранов откровенный вздор. Такой, что даже у меня – человека хладнокровного и сдержанного – волосы вставали дыбом. Прибавьте к этому религиозную истерию и биржевую панику, что прокатились по взбудораженной стране, чья столица и два крупнейших города фактически перестали существовать. Представьте все это, и вы поймете, в каком настроении я улетал из Саратова в Москву по приказу главкома ВВС.

Вместе со мной и лично сопровождающим меня подполковником Сафроновым в брюхе военно-транспортного самолета находился и мой вертолет «Ка-85» – не новая, но вполне боеспособная «Пустельга». Я летал на ней с того самого дня, как был распределен из училища в Саратовский военный авиаотряд. И то, что мне позволили выполнять это особое задание на своей машине, вселяло в меня дополнительную уверенность.

А она была нужна мне сегодня не меньше, чем воздух. Особенно после того, как я взглянул на Москву из иллюминатора самолета и впервые узрел наяву зловещий Барьер.

На экране телевизора он тоже казался огромным, но каким-то... ненастоящим, что ли? Зато теперь от одного вида уходящего в поднебесье грязно-мутного купола меня чуть не стош-

нило. Настолько мощное потрясение вызывала эта чудовищная нереальность на фоне привычной мне Москвы, наблюдаемой с высоты птичьего полета.

В телевизоре Барьер был похож на этакую аккуратную половинку коричневой жемчужины, выросшей в раковине величиной с Московскую область. В действительности он выглядел, как распухший и налитый гноем титанический волдырь, готовый вот-вот лопнуть и затопить своим мерзким содержимым и без того изуродованную им столицу.

При мысли о том, что вскорости мне предстоит влететь на «Пустельге» прямо в этот отвратительный прыщ, я ощутил себя вероломно обманутым и почти беспомощным. Хорошенькую мне честь оказали, слов нет! Говорите, особое задание для лучшего из лучших? Ну-ну! Хотелось бы узнать, господа командиры, какие приказы у вас получили бы штрафники, если бы вдруг вы призвали и их на это дело.

Москва – вернее, лишь та ее часть, что не угодила под удар Катастрофы, – была запружена войсками. Мне приходилось долго вертеть головой, дабы высмотреть на улицах гражданских, не эвакуированных из столицы по тем или иным причинам. И над всей этой камуфлированной и бронированной суетой возвышался Барьер, кажущийся с земли еще более огромным и ужасающим. На его фоне даже небоскребы и барражирующие в небе вертолеты смотрелись как спички и мошки рядом с куполом астрономической обсерватории.

Мне было не по себе. Нет, конечно, я не трясся от страха, будто осиновый лист, и не впадал в панику, хотя кое-какие ее признаки все же ощущал. Терзающий меня страх был непривычен, и потому я понятия не имел, как его быстро обуздать и вернуть себе боевой настрой. Впервые в жизни я – пилот грозной бронированной машины – ощутил себя ничтожным и уязвимым. Даже в компании тысяч соратников я не являлся достойным противником для той силы, с которой намеревался воевать. И тем не менее мы собирались бросить ей вызов, рассчитывая непонятно на что.

В штабе оперативной войсковой группировки, который располагался неподалеку от Барьера и куда мы с Сафроновым прибыли на инструктаж, нас ожидали обнадеживающие новости. Стало доподлинно известно, что гравитационная аномалия вокруг всех зон Катастрофы уходит в глубь них лишь на три километра. Это выяснилось, когда гравитация в оболочках «пузырей» резко понизилась до трехкратной, а по краям она отныне превышала силу земного притяжения всего в полтора раза. Висящая в воздухе муть немного рассеялась, но все равно еще не позволяла рассмотреть, что творится под покровом оседающей пыли.

Все – и военные, и ученые – уповали на то, что Барьеры в конце концов исчезнут, и обстановка за ними нормализуется. Однако ждать, когда это произойдет, было нельзя. Их ослабление и последовавшая затем стабилизация сделала эту преграду проницаемой и для машин, и для людей. А значит, если за нею еще остались выжившие, их требовалось немедленно оттуда эвакуировать. Но сначала предстояло провести там тщательную разведку и заодно проложить для быстрого оттока пострадавших прямой, беспрепятственный коридор.

В Москве эту задачу уже вовсю выполняла группа «Альфа-12». Завалы у края Барьера были столь высоки и неприступны, что командование капитана Баграмова решило использовать для прорыва в зону бедствия один из полуразрушенных участков метро. И сейчас разведчики при поддержке метростроителей полным ходом расчищали тоннель, заново укрепляли его стены, а также пробивали новый вход и выход из него.

– Ваша первая задача, лейтенант, будет состоять в том, чтобы преодолеть Барьер на максимальной высоте, – взялся инструктировать меня командующий операцией полковник Решетов. – Никто до вас этим еще не занимался. Но наши умники из научного отдела предполагают, что чем выше вы взлетите, тем вам будет легче пересечь область повышенной гравитации. Верна эта теория или нет, судить не берусь. Ее предстоит проверить вам. Покамест нам известно, что оборудование проходчиков и противоперегрузочные десантные скафандры

наших разведчиков функционируют в аномальной зоне без сбоев. Вопросы по этому пункту плана у вас есть?

– Так точно, господин полковник, – ответил я. – Поскольку к вам уже поступили первые доклады от «Альфы-12», хотелось бы узнать, что именно ее бойцы чувствуют, переходя через аномалию. Были ли у них при перегрузке какие-либо нетипичные ощущения, галлюцинации или что-то в этом роде? Думаю, эта информация поможет мне во время полета.

– Капитан Баграмов утверждает, что при проходе через Барьер его тело утратило подвижность и будто налилось свинцом, – просветил меня Решетов. – Еще говорит, что если бы не механические усилители мускулатуры, вряд ли он и его ребята смогли бы вообще там передвигаться. Иных проблем вроде бы разведчики не испытали. Но для вас-то, пилота, трехкратные перегрузки более привычны, верно? К тому же вам ведь не придется находиться в аномалии несколько часов. Пролетите опасный трехкилометровый участок, а дальше... Хм, а дальше, если я ответил на ваш вопрос, давайте перейдем ко второй вашей задаче. Сами понимаете: время нас поджимает...

Спустя час я уже сидел в кабине «Пустельги», прогрел двигатель и проводил привычную предполетную проверку бортовых систем и оружия. На душе у меня по-прежнему скребли кошки, но за последний час моя тревога не усилилась. Она стабилизировалась, подобно Барьеру, а когда я забрался в пилотское кресло и услышал приветствие виртуального штурмана, мое настроение даже чуть-чуть приподнялось.

Хороший знак. Все вокруг с ума посходили, привычная реальность рассыпается, словно песчаный замок, а в моем маленьком мире все осталось как прежде. И голос Железной Леди – моего штурмана Марги – все так же невозмутим и по-деловому сосредоточен.

И чья только умная голова придумала давать бортовым компьютерам военных вертолетов последнего поколения голоса фригидных и властных стерв? Однако нельзя не признать: задумка удалась. В училище я постигал азы пилотирования на престарелом «Ка-52», который общался со мной хорошо поставленным, четким голосом профессионального диктора. Со временем ты попросту привыкал к его неизменно-бодрым интонациям и в итоге начинал относиться к нему, как к хорошему другу. С ним порой удавалось поболтать, на него можно было прикрикнуть или же попросту от него отмахнуться. Подобная дружба с виртуальными штурманами долго считалась в порядке вещей, пока однажды не выяснилось, что неуставное общение с техникой пагубно влияет на внимание и концентрацию пилота.

И тогда на смену нашим привычным электронным приятелям пришли Железные Леди. К ним нельзя было привыкнуть в принципе. А подружиться или, не дай бог, заигрывать с ними – и подавно. Резкие, холодные голоса штурманов нового поколения стегали вас, будто плетка, но это была именно та порка, которую принято называть воспитательной.

Если верить статистике, количество аварий, вызванных человеческим фактором, среди вертолетчиков, летающих со штурманом-стервой, снизилось втрое. Пилоты опасались сказать ей лишнее слово и стали внимательнее прислушиваться к ее рекомендациям. А она педантично фиксировала все случаи, когда вы от них отступали, и сию же минуту докладывала об этом куда следует.

«Черные ящики» остались в прошлом. Теперь диспетчеры могли при необходимости узнать обо всем, что творится в кабине пилота, как будто сами находились рядом с ним. К чести создателей Железной Леди, надо заметить, что они наделили ее не только мерзким характером и обязанностями сексота, но и недюжинным искусственным интеллектом. И если она видела, что выбранная пилотом тактика оказывалась лучше предложенной ею, то всегда без обиняков это признавала.

И пусть штурман-стерва делала это тем же невозмутимым, суровым голосом, тебя от ее похвал прямо-таки распирало от гордости. Еще бы! Ведь они тоже фиксировались где положено и благоприятно отражались на твоей профессиональной репутации. Самые дотошные и

самолюбивые из нас даже вели учет услышанных в свой адрес от Леди скупых комплиментов и похвалялись ими перед сослуживцами. Я такой ерундой никогда не занимался, хотя, скажу без ложной скромности, тоже мог бы предъявить на этом состязании достойный список собственных заслуг.

– Добрый день, лейтенант, – поприветствовала меня Марга, после чего не преминула отметить: – Ваш психический настрой перед полетом вызывает у меня серьезные опасения. Я рекомендую Тольтеку снять вас с этого задания и поручить его кому-то другому.

– Ну попробуй,ними, – с легким злорадством усмехнулся я. – Только, боюсь, сегодня не твой день, и к твоему совету никто не прислушается.

– Спасибо, Марга, я тебя понял. Твоя рекомендация отклоняется. Кайман остается в строю и приступает к выполнению задания, – раздался спустя несколько секунд в наушниках голос Тольтека. Таков был позывной подполковника Сафронова, которому Решетов поручил руководить моим полетом с земли. Опять-таки затем, чтобы я чувствовал себя увереннее. Еще одно мудрое решение. Перед полетом в пугающую неизвестность командование поддерживало меня как могло. Что ж, огромное спасибо ему и на этом. Его чуткое отношение ко мне и впрямь ободряло.

Предполетная проверка прошла по плану. Слово Тольтека было для Марги весомее моего, и она без пререканий допустила меня к управлению «Пустельгой». Я в последний раз окинул взглядом мониторы и индикаторы, пристегнул ремни, после чего выждал пару секунд и доложил:

– Борт «шестнадцать» к полету готов. Повторяю: борт «шестнадцать» к полету готов.

– Борт «шестнадцать» – взлет разрешаю! – ответил Тольтек. – Повторяю: борт «шестнадцать» – взлет разрешаю... Удачи, Кайман!

– И вам удачи, Тольтек, – ответил я, поскольку осознал: она в одинаковой мере понадобится нам обоим.

– Файл «Семья» загружен, – бесстрастно сообщила мне Железная Леди сразу, как только я получил «добро» на взлет, но еще не приступил к нему. – Третий монитор. Время проигрывания файла: восемь секунд.

– Спасибо, Марга, – поблагодарил я и перевел взгляд на указанный дисплей.

Это была моя неизменная и нерушимая традиция: просматривать перед каждым взлетом коротенький видеоролик, который я периодически обновлял по мере того, как подрастала дочка. На этой записи она и Лиза улыбались, махали мне на прощание руками и посылали воздушные поцелуи. И все. Восемь секунд – ровно столько я мог позволить себе на прощание с семьей непосредственно перед каждым вылетом. Восемь секунд, которые значили для меня намного больше, чем пятиминутный предполетный аутотренинг, коему нас обучали в училище.

Конечно, сначала Железная Леди пыталась категорически воспротивиться моей традиции и всякий раз исправно строчила на меня рапорты. Строчила до тех пор, пока командованию это не надоело и оно не приказало Марге быть терпимее к этой маленькой слабости пилота Хомякова. Наши отцы-командиры – тоже люди, и, прежде чем занять штабные кресла, каждый из них успел налетать немало часов. И у каждого также была в то время похожая безобидная традиция или талисман. Вот они и закрывали глаза на то, что кто-то из моих боевых товарищей непременно выкуривал перед заданием сигарету, кто-то читал приносящий ему удачу стишок-заклинание, кто-то надевал на шею оберег, кто-то слушал любимую музыку, а кто-то, как я, наскоро прощался с родными.

«Мне-то что – было бы приказано» – по такому принципу работают все наши виртуальные штурманы, поэтому сегодня Марга не высказывала подобных претензий. Напротив, она даже взяла на себя обязанность продемонстрировать мне в условное время нужный видеофайл, избавив меня от необходимости запустить его самому. Конечно, не потому, что она все осо-

знала и стала чуткой – откуда вообще взяться чуткости у электронной стервы? – а из прагматических соображений, желая просто-напросто сэкономить время.

Но, как бы то ни было, говоря Марге за это спасибо, я благодарил ее совершенно искренне. А поблагодарив, досмотрел запись, затем опять же по традиции поцеловал большой палец, приложил его к монитору и лишь после этого взялся за рычаги управления...

Взлет, разворот на курс, набор высоты... Все привычно и отработано мной до автоматизма еще на тренировках в училище. Лететь всего ничего – от Жуковского до Барьера не больше тридцати километров. Как раз хватит времени на то, чтобы «Пустельга» вышла на свой динамический потолок, а я собрался с духом перед штурмом незримой преграды.

Вот она, мерзость, век бы ее не видеть! Определить момент вхождения в аномалию можно только по радару, на котором загодя отмечена ее граница. Ну и по собственным ощущениям тоже. Они и впрямь примерно такие, какими описывал их капитан Баграмов. С той лишь разницей, что подо мной не твердая земля, а воздушная прослойка толщиной в шесть с половиной километров. Которая, по мере роста силы притяжения, начинает неумолимо уменьшаться, несмотря на то что соосные винты «Пустельги» рубят воздух во всю свою мощь.

Фактически сейчас мы плавно падаем. Но Железная Леди проинструктирована насчет нетипичной преграды, которую нам предстоит преодолеть, и не бьет понапрасну тревогу. Лишь деловито сообщает мне расстояние до цели, затем – до выхода из зоны высокой гравитации, а также фиксирует темпы ее колебания. Дабы поскорее проскочить опасный участок, я набираю максимальную скорость, но она начинает уменьшаться, а скорость падения, наоборот, возрастать. Вертолет тяжелеет, и я тяжелею вместе с ним. Нас тянет к земле, но мы упорно барахтаемся на пределе своих сил и потому не срываемся в пике, а продолжаем лететь в глубь Барьера.

Поскольку головокружительного маневрирования в ближайшие полминуты не предвидится, Марга рекомендует перейти на автопилот. Я подчиняюсь. Рациональное предложение. Надо действительно поберечь силы, ведь неизвестно, что меня ждет по ту сторону Барьера. Вдруг по выходе из него мне придется сразу же продемонстрировать все свое пилотское мастерство, а я так выдохнусь, что не смогу проворно манипулировать рычагами. Не хотелось бы угодить впросак из-за такой оплошности.

Внизу вроде бы просматривались какие-то объекты – кажется, это были нагромождения руин. Но сейчас я летел слишком высоко над Москвой, дабы рассмотреть на мониторах сквозь завесу пыли что-либо конкретное. А банально вертеть головой по сторонам слишком тяжело. К ней будто привязали гирию весом в полцентнера, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Я даже зубами старался поменьше скрипеть от напряжения, потому что на это тоже приходилось тратить неоправданно большие усилия.

Впрочем, гравитационная пытка продлилась недолго. Вскоре нагрузка стала плавно ослабевать, равно как и скорость нашего снижения – уменьшаться. Организм, правда, к таким резким перепадам приспосабливается не столь быстро, и когда Марга докладывает, что гравитация нормализовалась, мои ноющие мышцы еще этого не чувствуют.

Дабы немного оклематься перед тем, как вновь перейти на ручное управление, я приказываю Железной Леди замедлить ход и продолжить снижение. На сей раз в нормальном режиме, а не по воле аномальной стихии. Она и так опустила нас по нисходящей траектории с шести с половиной почти до трех километров. Больше чем в два раза! Теоретические расчеты ученых оказались верны: лети мы не на «потолке», а наполовину ниже или, того хуже, – по-над крышами домов, – черта с два пересекли бы Барьер. И вот теперь я здесь, а значит, пора приступать к выполнению второго этапа моей боевой задачи.

Сначала нужно опуститься на приемлемую для ведения воздушной разведки высоту и совершить облет зоны бедствия. А уже потом отправляться к месту встречи с «Альфой-12». По прогнозам Решетова, Баграмов и его бойцы должны примерно через четверть часа ждать меня возле Курчатковского научного центра... или того, что от него осталось.

Пока я прихожу в себя после перегрузки, а Железная Леди снижает вертолет, выясняются две новости: плохая и... настолько хорошая, насколько вообще это определение применимо к ситуации, в которой я очутился.

Плохо то, что связь с Тольтеком теперь отсутствовала напрочь. Мы, конечно, не исключали ее обрыв, и никто за Барьером не ударится в панику, едва я исчезну из эфира, однако это все равно малоприятное обстоятельство.

Попытки установить контакт с Баграмовым тоже не возымели успеха. Но здесь еще не все безнадежно. В эфире сквозь треск помех пробиваются короткие обрывки переговоров между бойцами «Альфы-12», так что, вероятно, они меня тоже расслышали. А может быть, даже заметили в небе снижающуюся «Пустельгу». Как только Марга доложила, что мы пересекли Барьер, видимость снаружи определенно улучшилась.

Это и был тот благоприятный фактор, который хоть немного, но компенсировал отсутствие связи. Наверное, гравитационная аномалия была все-таки не абсолютно прозрачной. Вкупе с пылью она создавала дополнительную помеху для наблюдателей извне. А иначе как объяснить тот факт, что в зоне бедствия пылевая завеса была уже не столь плотной и позволяла увидеть, что творится внизу, с высоты даже в полкилометра? Это косвенно подтверждалось и тем, что, глядя сейчас на «забарьерный» мир, я видел его серым и размытым, словно сквозь грязное стекло. А небо надо мной было неестественно фиолетовым, как будто я и вовсе угодил на другую планету.

Ладно, некогда раздумывать об открытых мной странных оптических свойствах Барьера. Надо заниматься облетом территории и подыскивать поблизости от научного центра приемлемое место для посадки.

Я приказал Марге контролировать радиоэфир и, как только связь с «Альфой-12» станет устойчивой, немедленно оповестить Баграмова о нашем присутствии. После чего включил все внешние видеокамеры в режим записи и снова взял управление «Пустельгой» в свои руки.

Раскинувшаяся подо мной картина была удручающей и повергала в смятение. Будь я помоложе, наверняка при виде ее разразился бы в эфир потоками нецензурной брани. Да я и сейчас мог бы браниться во весь голос. Все равно никто, кроме штурмана, меня не услышит, а Марга передаст мои слова Тольтеку лишь после нашего возвращения из-за Барьера. Но я отреагировал на очередное открытие молча. Лишь до боли прикусил губу, дабы убедиться, что все увиденное мной внизу – не сон, а суровая реальность.

Даже поверхностного взгляда на эти районы столицы было достаточно, чтобы понять: подо мной уже не Москва. А что именно, лично я затруднялся сказать. И потому, что не сумел бы подобрать этому адекватное сравнение, и из-за того, что попросту не мог вымолвить сейчас ни слова.

Ходыньское поле и Ленинградский проспект, над которыми я летел, можно было узнать лишь на мониторе, и то по контурным отметкам, которые штурман наложил на снятое бортовой камерой изображение. Больше половины зданий были разрушены либо частично, либо до основания. И вот ведь парадокс: эти разрушения казались гораздо более естественными, чем те строения, которые уцелели! Чтобы поверить в то, как выглядят они сегодня, мне пришлось изучить их при шестикратном увеличении. И даже после этого я все еще сомневался, что они – не мираж.

Две стоящие на Ходынке рядом высотки наклонились одна к другой так, будто были слеплены из пластилина и подтаяли на солнце. И не просто наклонились, а фактически слились воедино верхними этажами, образовав гигантскую арку.

Церковь Благовещенья в Петровском парке была аккуратно разрезана пополам, словно торт, а ее совершенно не развалившиеся половины отстояли одна от другой на добрую сотню метров.

Небоскреб Триумф-Палас выглядел целым и недеформированным – даже стекла не разбились! Но по его стенам от фундамента до шпиля все время пробегали непонятные волны. Так, будто монументальное здание не стояло на своем законном месте, а отражалось в воде.

Футбольное поле, беговая дорожка и трибуны стадиона «Динамо» каким-то немислимым образом обратились в монолит. А он накренился в сторону проспекта под углом в сорок пять градусов, подобно гигантской овальной льдине. Причем ее нижний край провалился под землю, а верхний вздымался над ней вместе с выданным фундаментом.

Дорожную развязку на Беговой улице теперь следовало называть не иначе как связкой. Автомобильные и пешеходные эстакады переплелись между собой в причудливый узел. Он клубком опутал дорожное покрытие, втянув в себя попутно фонарные столбы и десятки автомобилей. И более того – этот клубок шевелился, словно живой!

Сам Ленинградский проспект напоминал ныне изрядно скомканную ковровую дорожку, усыпанную сором из обломков зданий и перевернутых машин. Приглядевшись, я обнаружил, что все улицы в пределах видимости так или иначе претерпели метаморфозы. Где-то – незначительные, где-то – прямо-таки чудовищные. Весь лик западной Москвы был смят, как простыня на ложе любовников после проведенной ими бурной ночи.

И не только смят, но местами даже изодран. Посреди Тимирязевского парка протянулась с севера на юг огромная трещина длиной около километра и шириной в пару сотен метров. Точную глубину провала определить не удалось, но она была явно не меньше, чем у Большого Каньона. Вдобавок на дне разлома зловеще багровела не то кипящая лава, не то какая-то горящая токсичная дрянь. Испускаемый ею черный дым смотрелся на фоне витающей над городом пыли будто прожилки кофе в плохо перемешанных сливках.

Подобных трещин на обозримом мною пространстве виднелось не меньше полудюжины, но дымовые шлейфы от них тянулись в разных направлениях, причем иногда в совершенно противоположных. Датчики за бортом тоже фиксировали, что порывы ветра меняют курс чересчур стремительно и хаотично. А порой они и вовсе прекращались, хотя на высоте моего полета штиль был столь же редким явлением, как снег в Центральной Африке. Марга моментально реагировала на все эти воздушные выкрутасы и помогала мне удерживать вертолет ровно, но, даже несмотря на наши совместные усилия, управлять им сейчас было очень не просто.

Руины, разломы, странные кратеры, клубы пыли, тектонические сдвиги, изменившийся рельеф, необъяснимые вещи, происходящие с некоторыми объектами... Штурманские отметки в большинстве случаев не совпадали с изображением на мониторах. И чем дальше мы продвигались, тем сильнее я убеждался, что все карты западной Москвы сегодня можно с чистой совестью выбрасывать на помойку.

Через десять минут нашего патрулирования Железной Леди так и не удалось обнаружить среди руин и царящего внизу топографического хаоса ни одного выжившего. Ни человека, ни животного. Сканеры «Пустельги» были настроены на поиск биологических объектов от размеров крысы и крупнее, но мы не видели здесь даже крыс. Облетев почти четверть зоны бедствия, мы отсняли на камеры лишь ирреально-жуткие пустынные пейзажи, и только. Люди, заполнявшие эти улицы в час, когда разразилась Катастрофа, испарились бесследно. Причем, похоже, испарились в буквальном смысле, поскольку их останки мы также не наблюдали.

– Что со связью? – в нетерпении поинтересовался я у Марги, которая так и не обнадежила меня в этом плане ничем конкретным.

– Без изменений, – доложила она. – Сильные помехи на всех частотах. Судя по анализу обрывков переговоров, бойцы «Альфы-12» движутся к центру. Выживших тоже не встретили, зато наткнулись на энергетические поля и обнаружили странные растения.

– В чем именно выражается их странность? – осведомился я. После Барьера энергетическими полями меня было уже не удивить, а вот аномальные растения – это что-то новенькое.

– Не ручаюсь за точность расшифровки – данные крайне обрывочны, – ответила Железная Леди, – но, судя по всему, обнаруженные Баграмовым растения – металлические.

– Час от часу не легче! – пробормотал я. А затем, не дожидаясь напоминания штурмана, решил прекратить облет и выдвигаться к месту назначенной встречи с разведчиками. Курчатовский институт располагался вблизи от предполагаемого эпицентра катастрофы, и после всего увиденного я всерьез засомневался, найдется ли там вообще место для посадки.

Садиться на крыши уцелевших зданий было слишком опасно, а на земле пригодные для этого пятачки попадались не везде. Да и те, что попадались, могли таить в себе немалую угрозу. Пролетая над расположенной неподалеку от Ходынки ТЭЦ, я обратил внимание, что одна из ее труб не развалилась, а накренилась и погрузилась наполовину в бетон, как будто тот размяк под ней, а потом вновь затвердел. Не хватало еще «Пустельге» угодить в подобную аномалию и увязнуть в ней шасси, как мухе в варенье. Будем надеяться, что «Альфа» к моменту моего появления успеет подыскать мне безопасный участок для приземления и обозначить его сигнальными маяками.

Третьей моей задачей было взять у Баграмова все отснятые им материалы и собранные для анализа образцы, присовокупить их к своим видеозаписям и, вернувшись обратно, представить все это полковнику Решетову. Обнадеживать его было нечем, кроме разве что самого факта переправки наших отчетов через Барьер. Но в настоящий момент об этом говорить еще рановато. Да, мне и «Альфе» удалось сюда проникнуть, но гораздо большей победой для нас станет, если мы сможем без потерь отсюда выбраться.

– Внимание, лейтенант: возле научного центра «Курчатовский» замечено движение! – внезапно оживилась Марга. – Множество механических объектов. Судя по очертаниям – гражданская и военная техника. Двигается во все стороны от предполагаемого эпицентра катастрофы. Вокруг него зафиксированы также множественные энергетические возмущения неизвестной природы. Количество первых и вторых неизменно возрастает.

– Откуда они берутся и кто ими управляет? – стараясь сохранять спокойствие, спросил я.

– Согласно полученным мной данным, техника появляется прямо из смерча, – невозмутимо уточнила Железная Леди. – Кто ею управляет – пока неизвестно. Ни люди, ни иные биологические объекты в радиусе нашего поиска по-прежнему не обнаружены... Виновата: обнаружены! Вижу группу Баграмова в полном составе. Отмечаю их местонахождение на схеме.

Монитор, что демонстрировал рисуемую штурманом на ходу, актуальную карту этих районов, отразил несколько новых отметок – скопление ярко-оранжевых пикселей, коих до сей минуты там не наблюдалось. В сравнении с расползающейся из очерченного пунктиром круга лавиной более крупных, синих точек, засевающие неподалеку от Курчатника разведчики выглядели в своем виртуальном отображении щепоткой соли рядом с пригоршней риса. И зерен в ней с каждой секундой становилось все больше и больше. Вот только откуда они сыпались, было решительно непонятно.

Я заметил смерч еще до того, как Марга о нем упомянула. На территории института действительно вращался маленький торнадо. Однако походил он пусть на сильное, но вполне обычное завихрение воздуха. Я не придал ему особого значения на фоне иных причуд здешнего ветра, лишь отметил, что при снижении надо будет держаться от того места подальше. Но теперь, когда это атмосферное явление вдруг разродилось столь нетипичными «осадками», все мое внимание было отныне привлечено лишь к нему.

Институт окружали сплошные руины, но сам он непостижимым образом уцелел, хотя вряд ли его корпуса обладали устойчивостью египетских пирамид. Ныне они и прилегающая к ним территория находились на дне глубокого кратера, в самой нижней его точке. Края и склоны кратера были усеяны разновеликими обломками, среди которых попадались и целые здания, либо поваленные набок, либо и вовсе торчащие вверх фундаментом.

Очевидно, они стали жертвой той же аномальной силы, которая обратила в монолит и целиком выворотила из земли стадион «Динамо». Некоторые постройки были при этом причудливо искривлены, подобно тем «пластилиновым» высоткам на Ходынском поле. На боку одного из таких странных упавших домов и расположилась над кратером, как на трибуне, «Альфа». Баграмов со товарищи также наверняка видели грохочущую орду выползающей из смерча техники и потому не спешили выступить ей навстречу.

Этот железный марш действительно не поддавался никакому логическому объяснению. И чем ближе я подлетал, тем больше недоумевал. Чудеса, которые мы уже успели задокументировать, можно было списать на происки неизвестной стихии, свирепствующей внутри Барьера. Чудовищная по размаху и последствиям, но в целом вполне объяснимая ситуация: физики утратили контроль над своими безумными экспериментами и ненароком выпустили на волю энергию невиданной мощи. Но с какой тогда позиции – научной или мистической – рассматривать смерч, извергающий из своей воронки десятки единиц гражданской и боевой техники?

И не простой техники. Мало того, что все водительские кабины, в которые мне удалось заглянуть с высоты, оказались пустыми, так еще и вид у этих грузовиков, тракторов и танков был такой, словно их побросали в доменный котел на переплавку, но они каким-то образом оттуда выбрались. Причем не сразу, а после того, как малость оплавилась и растеряли свои привычные очертания.

А некоторая бронетехника была и вовсе знакома мне лишь по историческим кинохроникам второй половины двадцатого века. Эти-то «динозавры» откуда взялись? На них ведь, помнится, тогда ни автопилотов, ни даже примитивных бортовых компьютеров не было! И тем не менее дюжина допотопных броневикумов и танков двигалась сейчас бок о бок со своими нынешними собратьями... или, вернее, потомками. Причем двигалась, не выпуская в атмосферу сизый соляренный дым и вообще, кажется, не рыча моторами.

Вместо завесы выхлопных газов, что должна была окутывать стальную армаду, над нею сверкали пучки молний. Они постоянно перескакивали с одной машины на другую, оплетая их сетью зигзагообразных всполохов. Вдобавок к этому между колесными и гусеничными монстрами металась загадочные синие сгустки, тоже похожие на молнии, только шаровые. Становилось понятно, что за сила изуродовала, а теперь гонит вперед эту технику и управляет ею. Неясно только, откуда эта армада появляется. То, что не из воздуха и не из институтских подвалов, очевидно. Неужто прямиком из машинного ада, если предположить, что такой все же существует?

Камеры «Пустельги» тщательно записывали все творящееся вокруг смерча, и я уже представлял, какой переполох вызовет мой репортаж в штабе генерала Шепетова.

– Марга, срочно наладь связь с «Альфой»! – потребовал я. Наши планы менялись. Возле разведчиков не наблюдалось ни одного пригодного для посадки пятачка, и мне требовалось оперативно перенаправить группу Баграмова севернее. Туда, где прежде была площадь академика Курчатова и где сегодня у меня имелся шанс благополучно приземлиться.

– Связь полностью отсутствует, – категорично отрезала Железная Леди. – Сильные энергетические возмущения по всему кратеру. Предлагаю зависнуть над позицией «Альфы-12» и с помощью лазерной пушки выжечь для капитана Баграмова послание на стене соседних развалин.

– Хорошая мысль. Так и сделаем, – поддержал я предложение штурмана и развернул вертолет в сторону оранжевых отметок на карте. Даже если разведчики решат прервать рейд и отступить к прорытому ими тоннелю, надо в любом случае забрать у них отчеты и образцы, ведь я вернусь на базу гораздо раньше. И сразу подниму по тревоге всю окружающую Барьер военную группировку. Одному лишь машинному дьяволу ведомо, куда движется этот нескончаемый поток опутанных молниями железных страхолюдин.

Однако до выжигания послания дело так и не дошло. Мы еще не подлетели к занятой «Альфой» позиции, как стряслось нечто ужасное. Не успел я глазом моргнуть, как лежащая на боку искривленная высотка, на которой расположились разведчики, взяла и рассыпалась в крошево. И явно неспроста. За миг до этого в ее сторону пронеслось нечто яркое и стремительное – судя по всему, одна из шаровых молний. И вот внизу передо мной вместо нависающего над кратером искусственного утеса катится по склону огромная осыпь. Катится, вздымает вверх густые клубы пыли и увлекает за собой Баграмова и всю его команду. Оранжевые точки на карте дружно устремляются навстречу синим, и все до единой пропадают из зоны действия вертолетного сканера.

Возможно, Баграмов нарочно выбрал такую позицию, поскольку рассудил, что если здание не развалилось при падении, то из него получится надежная опора. Капитан прогадал. И от меня сейчас, как назло, нет никакого проку. Связь с внешним миром отсутствует, а «Пустельга» – не спасательный вертолет, а одноместная боевая машина. Оставалась одна надежда на скафандры разведчиков, чья механическая мускулатура могла помочь им выбраться из-под завалов самостоятельно.

Все, чем я мог помочь «Альфе», это лишь попытаться сдержать движущуюся ей навстречу армаду. Расстреляв первые ряды обезумевшей техники, я создам в этом секторе кратера затор и не позволю танкам и грузовикам въехать на осыпь, под которой погребены разведчики. Ну а им, если они не лишились при падении сознания, придется выживать себя изо всех сил. Максимум четверть часа – вот сколько времени у них есть. Когда у меня иссякнут боеприпасы, затору не простоять под таким натиском долго.

Бить противника требовалось как можно дальше от осыпи. Радиус поражения плазменной ракеты довольно велик, и в него мог угодить невзначай любой выбравшийся из-под завала разведчик. Я активировал бортовое вооружение и, снизившись до уровня кратерного края, медленно повел «Пустельгу» в сторону институтских корпусов. Еще пара секунд, и внизу разразится такой огненный хаос, что он затмит даже смерч. 30-миллиметровая импульсная пушка, лазерная установка и дюжина ракет разнесут немало танков и бронемашин, а гражданской техники и того больше...

– Тревога! Аномальная активность резко усиливается! – предостерегла Марга за миг до того, как торнадо мощным скачком увеличился в размерах и стал вдвое толще. Техника у его подножия утонула в потоке энергетических всполохов, а шаровые молнии заметались над ней, как стаи огромных светляков.

Стиснув зубы, я откинул пальцем с кнопки ракетного запуска предохранительный колпачок и дал залп по первым рядам агрессивной армады. Однако, прежде чем ракеты достигли цели, им навстречу опять же из смерча вырвалось что-то темное, бесформенное и быстрое. Издали оно походило на крупную стаю стрижей или облако несущегося по ветру дыма. Шарахнувшись в сторону, черное нечто легко увернулось от моего выстрела и устремилось напрямик к «Пустельге».

Почуввав неладное, я резко направил машину влево, уходя с линии атаки. Внизу полыхнули две плазменные вспышки. По расчетам, они должны были изжарить не только впередиидущий транспорт, но и внезапно нарисовавшуюся над ним неведомую летучую угрозу. Заложив крутой вираж, вертолет прочертил в воздухе круг и снова развернулся носом к смерчу.

Черной дряни у меня на пути не было. Ага, сторела, стало быть! Что ж, туда ей и дорога. Нет времени на изучение этого загадочного противника. Все необходимое я уже выяснил: он быстр, но уязвим для плазмы, а значит, чем его бить, теперь понятно. И если из смерча выскочит еще одна подобная тварь, ей также несдобровать.

Тварь возникла не из смерча, а из воздуха, да еще аккурат перед самым носом у «Пустельги». Причем, судя по всему, это был не новый враг, а тот же самый, ничуть не постра-

давший от сверхвысокой температуры. И едва он дотянулся своими мерцающими щупальцами до вертолета, как моя песенка была спета.

Вблизи существо непонятного происхождения выглядело так же, как до этого издалека – то есть фактически никак, – разве что размеры черного сгустка увеличились до размеров «Пустельги». Армированные стекла кабины покрылись трещинами, а затем вылетели из пазов, хотя предел их прочности был рассчитан на попадание импульсного снаряда. Предупреждение Марги оборвалось на полуслове, поскольку вся штурманская электроника разом вышла из строя, а мониторы зарябили сплошными помехами. Турбина заработала вразнос, загрохотала, окуталась пламенем и начала рассыпаться на части. Вертолет принялся рыскать из стороны в сторону, напрочь отказываясь подчиняться управлению, один из винтов заклинило, и он оторвался, а в кабине завоняло гарью.

Вот и весь последний бой одного из лучших вертолетчиков армии! Бой, который закончился, не успев даже толком начаться! Я часто гадал, каким он будет, если мне доведется погибнуть на боевом посту, но никогда не предполагал, что это произойдет настолько быстро! И погеройствовать напоследок не успел. Обидно – не то слово!

– Кайман – Альфе! Кайман – Альфе! Нахожусь под ударом! Повреждения критические! – прокричал я в эфир, надеясь неизвестно на что. Впрочем, выбор у меня был невелик: или попросту орать от страха как дурак, или делать это так, сохранив хотя бы каплю достоинства. – Теряю высоту! Падаю! Катапультируюсь!

Последнее, что я предпринял, прежде чем рванул рычаг катапульты, это выпустил по смерчу еще две ракеты, благо вооружение пока функционировало. Мне придется приземляться прямо на опутанную молниями армаду. Заведомо гиблое дело. Но пусть подо мной станет хотя бы на десяток-другой врагов меньше – какое-никакое, а утешение. Пока я буду опускаться на парашюте, воздух внизу остынет, и, кто знает, может, мне еще повезет выбежать из кратера до того, как меня настигнут механические чудовища.

Лопастей уцелевшего винта отстреливаются, лишенная стекол крышка кабины – тоже, а вслед за ней вместе с креслом вылетаю я. Вновь тело терзают чудовищные перегрузки, и пока надо мной не раскрывается парашют, меня крутит и вертит в воздухе похлеще, чем на тренировочной центрифуге. И когда обезумевший мир перестает мельтешить перед глазами и вновь принимает нормальное положение, я вижу все, что творится сейчас подо мной.

Вижу нечетко – голова после стремительного взлета и кувыркания идет кругом, – но и так понятно, какая судьба постигла мой вертолет. Его взрыв сливается с плазменными вспышками ракет, а разваливающийся на куски корпус камнем падает в бушующее внизу пламя. Я тоже опускаюсь в него, и оборвись сейчас мой парашют, еще успею перед тем, как разбиться, хорошенько прожариться. Но, хвала конструкторам «Пустельги», парашют, комбез и шлем выдерживают ударившую снизу волну жара и не дают мне обратиться в уголь. Я лишь обжигаю руки, но в моем положении это не самая страшная неприятность.

Далеко не самая страшная.

Я готовлюсь к жесткой посадке и заодно стараюсь высмотреть сверху путь, по которому мне предстоит выбираться из кратера, когда сзади налетает упругая волна воздуха. Я начинаю раскачиваться на парашюте и пытаюсь поспешно выровнять снижение, еще не ведая, что до земли мне уже не долететь. Едва болтанку удастся унять, как я попадаю в новый поток воздушной стихии, на сей раз более мощный и увлекающий меня в противоположном направлении.

Иными словами, прямиком в торнадо.

Я не в силах ни пошевелиться, ни закричать от страха. Воронка стала еще огромнее и чудовищнее (видимо, это ее резкое увеличение вызвало первый, короткий порыв ветра), и теперь ее серая поверхность вращается практически рядом со мной. Совладать с центростремительным притяжением смерча невозможно. Оно настолько неудержимо, что даже отстегни

я ремни и вывалились из кресла, ураганный ветер все равно, как пушинку, унесет меня в этот мутный, грязный поток.

А может, это вовсе и не ветер? Такое ощущение, будто сам Всевышний Творец взял свою колоссальную кисть и сейчас размазывал ею эту часть мира так, как художник размазывает на палитре краски, когда смешивает их. И что ожидает меня – ничтожную капельку, – когда я вольюсь в состав божественного замеса? Вряд ли что-то хорошее. Скорее всего, моя участь окажется такой же, как участь прочих бесследно сгинувших здесь людей.

Все кончено. Еще мгновение, и смерч попросту слизнет меня и отправит в свою вращающуюся утробу. Или будто наждаком разотрет в ничто миллиардами раскрученных им частиц пыли. Наверное, мне суждено претерпеть самую жуткую боль из тех, какие я только испытывал в жизни. Такую боль, от которой я, прежде чем умереть, наверняка успею сойти с ума. Даже произойди все мгновенно, половину последнего мига своего существования я проживу безумцем. Хотя где гарантии, что я им уже не стал? От всего увиденного мною сегодня это было бы вполне простительно.

Я смотрел не моргая на неумолимо приближающуюся стену торнадо, а он – кто бы мог подумать! – в это время пристально следил за мной! Сначала одним глазом, потом двумя, еще через секунду – тремя, вскоре – четырьмя... А когда я на бешеной скорости влетел в мутную бездну, она таранила на меня семью сверкающими, как маленькие солнца, глазами. И не просто равнодушно взирала, а присматривалась. Глаза бездны надвигались, и я был заморожен их феерическим блеском настолько, что даже позабыл о близкой смерти.

Зато она такой забывчивостью не страдала. И когда семь ярко светящихся одинаковых объектов стремительно подлетели и врезались в меня, как раскаленная картечь, я понял, что никакие это не глаза, а...

Нет, пожалуй, вру: вряд ли в тот момент я вообще успел что-либо понять. Боль, к которой я тщательно готовился, наконец-то меня настигла. Она и впрямь оказалась чертовски сильной, но я, однако, не сошел от нее с ума. Почему? Да потому, что взял и сразу же умер.

И все.

А когда спустя месяц воскрес, это был уже не я. И мир, который теперь отражался в моем алмазном глазу, был не тем миром, какой я когда-то любил. Он изменился и в скором времени собирался повторно меня убить. На сей раз – окончательно и бесповоротно. И у него имелась на то достаточно веская причина.

Вернее, семь причин, каждая из которых подписывала мне заочный смертный приговор без права на обжалование и отсрочку. Словно отъявленному серийному убийце. С одной лишь разницей: до той поры я еще никого не убил и даже в мыслях подобного не держал. Но от судьбы, как видно, не уйдешь, и раз уж она вынесла мне такой суровый вердикт, значит, была убеждена, что вскорости я его заслужу.

Как в воду глядела...

Впрочем, эта часть моей биографии – тема для отдельного и тоже не слишком веселого рассказа. И если у меня будет настроение поведать его вам, я непременно это сделаю. Но не сейчас, ибо хватит с меня на сегодня душераздирающих воспоминаний...

Глава 5

Гранитный лик генерала Карбышева взирал на нас с Жориком так, словно мы, проходя мимо, невзначай отвлекли легендарного героя Второй мировой от его мрачных раздумий. О чем, хотелось бы знать, он размышлял последние шесть лет? Монумент Карбышева, все еще стоящий на бывшем одноименном бульваре, ныне являл собой то же воплощение стойкости, какую сам генерал демонстрировал, будучи пленником фашистского концлагеря. Асфальт вокруг памятника был изрыт стальными гусеницами и конечностями биомехов; они же выдрали и переломали в щепки все бульварные деревья, но памятник и по сию пору оставался нетронутым. На нем даже не наблюдалось ни единой выбоины – так, словно боты, носороги и бронезавры поголовно боялись сурового генеральского взора и объезжали монумент стороной.

Мы тоже не собирались задерживаться здесь надолго. Удрал от Ипата, я хотел было рвануть к «тамбуру», но потом смекнул, что совершу тем самым большую глупость. Обуздавший дракона мнемотехник в первую очередь тоже двинет туда, поскольку решит, что, огребши в Курчатнике кучу неприятностей, я попытаюсь поспешно слинять из этой локации. Прорваться к воронке гиперпространственного тоннеля с ходу у меня однозначно не выйдет. Солнце опять скрылось за тучу, а вокруг «тамбура» постоянно ошивается технос и полным-полно ловушек. Мне так и так придется быть начеку и выгадывать удачный момент для телепортации. За это время Ипат и его дрессированный дракончик успеют добраться до института, и, если я еще буду там, им не составит труда на пару меня отыскать.

Вот я и решил повременить с бегством и двинуть к «тамбуру» окольным путем. Это тоже было рискованно, но так я имел больше шансов разминуться с узловиками. Они, а не биомехи или другие сталкеры являлись теперь нашими первейшими врагами. Прочих я также опасался, но они по крайней мере не искали сейчас встречи со мной. А в Зоне это обстоятельство уже само по себе давало мне преимущество.

Брат Георгий, коему было велено заткнуться, как только мы сошли с моста, беспрекословно следовал моему совету и молча бежал за мной сначала на восток, а затем, когда мы достигли бульвара, – на север. Я не раз порывался прогнать навязавшегося на мою голову попутчика и скрыться от него среди руин здешних многоэтажек, однако так этого и не сделал. Меня мучило любопытство, какого рожна Дюймовый вдруг поперся мне на выручку, да еще не побоялся заманить на мост дракона. Но, поскольку в эти минуты нам было не до разговоров, приходилось мириться с обществом Жорика и с теми неудобствами, какие оно мне доставляло.

Лабиринты вытоптаных дворов между однотипными, полуразвалившимися многоэтажками вполне подходили для того, чтобы в них затеряться. Мы отмахали без остановок довольно приличное расстояние и при этом не наткнулись ни на одну живую или биомеханическую душу. Везение? Безусловно. Но здесь оно, как правило, весьма скоротечно. И теперь с каждым пройденным нами шагом вероятность встретить потенциального противника неуклонно возрастала.

Дабы этого не допустить, я решил больше не искушать судьбу и устроил себе передышку. Да, только себе. Самочувствие брата Георгия меня не особо тревожило, хотя после нашей резвой пробежки он нуждался в отдыхе куда больше, чем я. Мне и так приходилось из-за этого увальня бежать в полтора раза медленнее, чем обычно, и иных поблажек я ему оказывать не намеревался. А отстанет – его проблема. Я его за собой силком не тащу. Решил затесаться в компанию к Мангусту, будь готов к веселой жизни, наполненной круглосуточными погонями и прочими острыми ощущениями.

А еще к тому, что я – законченный параноик и никому теперь не доверяю в полной мере. Какие бы огромные и неоценимые услуги вы мне ни оказали, мои алмазы с лихвой компен-

сируют любые затраты, на которые вы пошли, чтобы заслужить мое доверие. Даже если ради этого вам пришлось предавать и убивать своих братьев.

Слышали небось избитую истину, гласящую, что богатство портит человека? Так вот, человека, чьи сокровища приходится буквально вырезать ножом у него из тела, богатство не просто портит, а жутко уродует. И физически, и морально. Причем в последнем случае уродство выходит еще страшнее, чем в первом. И стоит мне только заподозрить, что Дюймовый лишь косит под наивного дурня, а в действительности ведет со мной хитрую игру и роет под меня яму, я сам без колебаний живьем закопаю его в первой же попавшейся канаве.

Сомневаетесь? А зря. Прецеденты имеются. Не все предыдущие охотники за моими алмазами вели себя как мнемотехник Ипат. Кое-кто пытался действовать исподволь, пряча свои коварные помыслы за маской дружелюбия. Таких лицемеров я карал с особым удовольствием и с той же улыбкой на лице, на какую они до этого пытались меня купить.

Ну ладно, не буду больше изображать перед вами хронического злыдня, а лучше дам вам бесплатный совет на будущее. От признанного, так сказать, специалиста по экстремальному выживанию в Пятизоне. Хотите как можно лучше спрятаться в нем от вражеских глаз – прячьтесь в тех местах, где вы будете чувствовать наибольшее неудобство. Не любите замкнутое пространство – забивайтесь в самые тесные щели, где едва можно дышать. Бойтесь высоты – карабкайтесь на верхние этажи полуразрушенных зданий, туда, где все шатается и дрожит под порывами ветра, а голова идет кругом при одном мимолетном взгляде вниз. Испытываете неприязнь к металлорастениям – лезьте, презрев брезгливость, в самую гущу зарослей автонов и хоронитесь там столько, сколько потребуется.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.